

МОСКОВСКИЙ
общественно - литературный
журнал

ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

выпуск 1 <Апр.-май 1980>
2 <Май 1980>

издательство «ПОИСКИ»

ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

московский общественно-
литературный журнал

выпуск 1 №№ 1 (ix) - 2 (x)

апрель - май 1980

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОИСКИ"

Настоящим выпуском издательство начинает публикацию московского общественно-литературного журнала "Поиски и размышления". Она будет осуществляться по два номера в каждом выпуске. Все сокращения согласованы с московской редакцией, деятельность которой является независимым продолжением дела свободного московского журнала "Поиски". Сокращения обусловлены двумя причинами: стремлением как можно скорее донести журнал до читателей и ограниченными финансовыми возможностями.

Издательство приносит свои извинения за допущенные опечатки.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ К ПАРИЖСКОМУ ИЗДАНИЮ

Настоящее издание журнала не совсем адекватно московскому. Некоторые публикации были сокращены, некоторые изъяты совсем. Эти сокращения были осуществлены по разным причинам:

во-первых, по чисто техническим: стремление поскорее выпустить журнал в свет на Западе вынуждает лимитировать объем издания при сохранении структуры журнала;

во-вторых, часть материалов уже издана как на русском, так и на иностранных языках, и в настоящий момент уже не сообщит ничего нового читателю как на Западе, так и в СССР.

С другой стороны, редакция надеется - и имеет для этого основания - на скорую публикацию некоторых из сокращенных материалов в издательстве "Поиски".

Все издательские примечания, в том числе о сокращениях, даются в квадратных скобках. При пропуске целых статей указывается причина или сообщается о перспективах публикации. В конце каждого номера приводится полное содержание московского издания.

ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

московский общественно-
литературный журнал

апрель 1980 № 1 (ix)

ВОКРУГ "ДЕЛА САХАРОВА"

ВЫБОРЫ В СВЕТЕ СТАТИСТИКИ

ЛОГИКА И ЗАКОНЫ

В. ЛАКШИН, ЕГО ДРУЗЬЯ И НЕДРУГИ

"ПРАВДА", 17 ФЕВРАЛЯ 1985 Г.

НЕИЗДААННЫЕ ПИСЬМА Б. Л. НАСТЕРНАКА

от редакции

Почти полтора года продолжалась борьба редакции журнала "Поиски" и всемогущего КГБ. Обыски, слежка, запугивания и, наконец, - аресты. С арестом В. Абрамкина, В. Сокирко, Ю. Гримма, принудительным отъездом за границу П. Егидеса и болезнью Р. Б. Лерт редколлегия журнала прекратила свою деятельность.

Советские чиновники твердо убеждены в том, что в подведомственной стране никакой мысли, никакого обмена идеями быть не должно. Но попытки запретить думать и делиться результатами своих размышлений были и будут бесполезны, пока в стране существуют люди. Запретить людям думать, какие бы силы на это не бросались - нелепо.

Свободный обмен информацией - это не просто право, гарантированное международными документами; это - физиологическая потребность человека. Потребность, почти столь же насущная, как есть, пить, дышать; и гораздо более необходимая для того, чтобы быть человеком.

Поэтому злобные преследования наиболее честных и смелых людей не только незаконны. Это не просто попытка изнасиловать историю, это - желание повернуть вспять эволюцию, желание вывести новую породу человекообразных, лишенных дара речи, лишенных коры больших полушарий головного мозга.

Можно конфисковать все пишущие машинки, можно уничтожить писчую бумагу, rationировать чернила и поставить под контроль использование авторучек, можно сократить продажу карандашей (в связи с нехваткой древесины).

Можно, но люди будут изготавливать папирус и пергамент, царапать на глиняных дощечках и обдирать бересту, и будут записывать все те же столь ненавистные товарищам Щелокову и Антропову буквы и слова.

Самиздатовский журнал "Поиски" и есть выражение именно этого человеческого стремления. Его история показала необходимость существования такой трибуны. Оправдала себя и достаточно широкая платформа журнала, ставившего себе целью дать возможность высказаться - и быть услышанным - всем думающим людям - верующим и неверующим, марксистам и антимарксистам, националистам и интернационалистам. Сохранение этой общедоступной трибуны и является задачей нашего нового журнала. Нам

представляется необходимым отстоять саму идею негосударственного, непартийного общественного периодического издания. С этой стороны редколлегия рассматривает свою деятельность как прямое продолжение дела "Поисков".

Однако мы считаем наш новый журнал в первую очередь самиздатским, то есть отказываемся от героически открытой позиции редколлегии "Поисков". Такая позиция, несомненно, благородна, но представляется практически неосуществимой.

Редакция использует статьи, документальные материалы и художественные произведения, имеющие хождение в самиздате, и далеко не во всех случаях имеет возможность согласовать их публикацию с авторами. Она приносит им за это свои извинения. "Сору right" в случае перепечатки материалов журнала в зарубежных изданиях сохраняется за авторами, а для анонимных статей - за редколлекцией журнала.

Мы хотели бы просить А. Д. Синявского взять на себя труд по зарубежному "надзору" за публикациями журнала, и были бы благодарны читателям за присылку любых материалов.

НОВАЯ СТУПЕНЬ

Мы не любим замечать на себе течение времени. Ни мешков под глазами, ни колотья в боку после подъема на 3-й этаж. Еще меньше мы любим замечать течение истории в окружающем нас мире. Сколь ни мутен вокруг нас поток, на каждом определенном этапе мы так ли, сляк ли к нему приспособливаемся, наше ворчание по поводу роста цен или из-за отсутствия продуктов в магазинах становится нормой: мы привыкаем экономить, доставать "налево", перестали заглядывать в книжные магазины. Еще кто-то уехал, еще кого-то посадили. В рутине времени не проглядеть бы рубеж 80-х годов.

Этот рубеж ознаменовался вторжением советских войск в Афганистан и высылкой академика А. Сахарова в Горький. Но рубеж ли это? В первый ли раз советские войска оккупируют территорию других стран без какой бы то ни было угрозы для безопасности советского государства? Впервые ли на основании произвольного решения "компетентных органов" отправляют в ссылку, изолируют от мира советского гражданина? Действительно, характер советского государства не изменился со времени захвата Закавказской республики, ни со времен высылки в Сибирь "кулаков" и "подкулачников". Однако для тех, кто хорошо помнит только послевоенные годы, а об остальном знает из учебников и понаслышке, разница между нынешними временами и 60-ми годами представляется более ощутимой.

Действительно, в советском сознании Восточная Европа, страны Варшавского договора - в каком-то смысле своя, советская земля, и пользуется лишь ограниченным суверенитетом. Так что чехи поплатились за тесную дружбу. Афганский же народ поплатился просто за давнее знакомство - Афганистан был первой страной, установившей с Советским Союзом дипломатические отношения. Суд над Синявским и Даниэлем был хотя бы суд - хотя бы видимость правопорядка.

О существенности изменений свидетельствует и другое. Вторжение в Чехословакию вызвало демонстрацию на Красной площади, хотя бы и малочисленную. Количество "подписантов", защищающих А. Сахарова, много меньше, нежели защитников А. Синявского, хотя известность и авторитет академика несравненно выше. Дело здесь не только в запугивании со стороны властей. В 1965 году существовала надежда на то, что мнение едва зародившегося советского общества может быть принято во внимание

государством. Ноне же ссылка Нобелевского лауреата окончательно подтвердила тот факт, что правительство и его "компетентные органы" не только не склонны вступать в полемику с обществом, но и готово на любые меры для подавления и уничтожения этого общества. Выступлением в защиту Сахарова, очевидно, можно лишь спасти собственную честь, но никак не вызволить Андрея Дмитриевича из ссылки.

Все это со всей очевидностью свидетельствует о том, что новый этап - этап бессудных расправ, безвестных героев и безымянных жертв - действительно наступил.

Что же дальше?

Любой прогноз должен быть согласован с рядом обстоятельств. Во-первых, события, надвигающиеся с непреложностью биологического закона. Имеется в виду смена руководства и неизбежно последующая за этим, в силу отсутствия легальной процедуры престолонаследия, борьба за власть внутри Политбюро. Во-вторых, угроза бойкота Олимпийских игр и разрыва экономических связей возможно вызовет и изменения внутриполитического курса. В-третьих, не надо забывать и скромный экономический фактор с "накопительным эффектом" вздорожания жизни, роста цен, нехватки продуктов питания.

С О Б Ы Т И Я И С У Д Ь Б Ы

В этом разделе номера мы публикуем подборку материалов, связанных с драматическими событиями, ознаменовавшими начало 8-го десятилетия XX века в нашей стране, в первую очередь – с высылкой из Москвы академика А.Д. Сахарова.

[Со времени выхода в свет московского издания этого номера (апрель 1980) произошли многие события, сделавшие материалы этого раздела (смотри оглавление), многократно публиковавшиеся на Западе, в настоящее время устаревшими.

Оказались на Западе Л. Колелев, Р. Орлова, В. Войнович. Освобожден из-под ареста о. Д.Дудко. Судима и осуждена Т.Великанова. По-прежнему в ссылке А.Сахаров. По-прежнему в тюрьме И. Огурцов.]

ПУБЛИЦИСТИКА

Максудов

МЫ ВСЕ "за"

(печатается с небольшими сокращениями)

Закончилась очередная грандиозная кампания единодушного опускания печатных бумажных листов в щели деревянных ящиков. Наш народ успешно справился с задачей, выполнил свой долг, продемонстрировав и показав...

В списки избирателей было включено 174 944 173 человека, в голосовании приняло участие 174 920 221 или 99,99%, за кандидатов в депутаты Совета Союза проголосовали 174 734 459 избирателей. 23 952 человека не пришли на избирательные участки, 185 422 высказались "против" и 42 испортили свои бюллетени.

Нечто раблезианское встает за этими цифрами. Вспоминаешь, как Гаргантюа дунул на парижан и "повалил с ног 260 418 человек, не считая женщин и детей".

Кто эти 23 952 отщепенца, не воспользовавшиеся почетным правом советского человека?

Может, они из тех 7-10 тысяч несчастных, что навеки закрепили глаза в тот торжественный день. А может, из тех 40-50 тысяч, что умрут согласно статистике в ближайшую неделю, а пока в беспамятстве ворочаются на койке. Да и десятки тысяч умерших вчера и позавчера для избирательной комиссии не подорок: в списках они есть, а в наличии нету.

Бывает, что и послеоперационные больные не в силах поднять руку, чтобы исполнить свой гражданский долг. А может, некоторые из 15 тысяч матерей, произведшие в этот день нашу счастливую смену, заснули спокойно, забыв о долге перед обществом. Да что больницы!

Около десяти миллионов людей болели в этот день: у кого грипп, у кого ангина, у кого сердечный приступ. Сотни тысяч из них умудрились свалиться не у себя в квартире, а в гостях, у родственников, на даче. К такому больному не прибежишь к постели с избирательной урной: нет его дома.

Да и не везде это можно - с урной по домам. Хорошо в городе - все под боком, а на хуторах, в тайге и других труднодоступных районах?! Там и перепись населения полгода проводят, а тут за полдня всех обегать.

Но больные - это еще полгоря, у них хоть уважительная причина. Куда хуже просто пьяницы. Где свадьба, где поминки, где последний день масленицы. Пьют целыми деревнями, компаниями, семьями, в одиночку. Прибежит бедняга-агитатор, а никто лыка не вяжет, ничего не помнит, идти никуда не желает.

Душевнобольные (а их за миллион) - своя проблема. Конечно, иногда их по суду лишают избирательных прав, но таких единицы, а в больницах сотни тысяч.

Заключенные тоже по нынешней конституции не ограничены, имеют право. Может это они, обиженные на советскую власть, не послали?

Отдельная беда: рыболовы, охотники, туристы и просто дачники. Им одно удовольствие - уедут за город с субботы на воскресенье и плевать хотели на торжественное мероприятие. А ведь их тоже не один-два, а миллионы!

Геологи, лесники, зимовщики - люди, по многим месяцам не встречающие живой души, может, это они не сумели выполнить свой гражданский долг?

Престарелые родственники, няньки и прочие, живущие без прописки, боязливо уклоняющиеся от любого учета - не они ли портят нашу статистику?

И сами агитаторы хороши. Бегают активист по домам, суетятся, старается, а на другом конце города другой агитатор нашего разыскивает, проклинает. Не все, конечно, но многие из полутора миллионов членов избирательных комиссий оказались в таком положении.

Евреи-"отказники" - вот еще одно недоразумение. Они себя вроде бы и советскими людьми не считают, мол, хотим на "родину", а им: "нет, здесь поживите, за наших депутатов погосуйте".

И, наконец, позорная категория - предвыборные вымогатели. Так уж повелось: как голосование - они с претензиями. Кому телефон десять лет обещают, у кого потолок течет, кому не нравится вдесятером в одной комнате жить. Не выполните, не пойдем. Ну, некоторые в последний момент испугаются, прибегут, а другие упрутся до конца.

- Так как же так? - вправе спросить внимательный читатель. - Откуда же появились эти 99,99%? Неужели?..

- Да, к сожалению, так, и не может быть иначе.

- Но о чем они думают? Это же противоречит логике, здравому смыслу, теории вероятности, элементарной порядочности, наконец.

- Увы, они просто этого не понимают. И если это естественно для председателя Центральной избирательной комиссии Председателя ВЦСПС А. И. Шibaева, его заместителей - второго секретаря ЦК КПУ И. З. Соколова и первого секретаря ЦК ВЛКСМ Б. И. Пастухова, то академика А. А. Логунова, выдвинутого в избирательную комиссию коллективом преподавателей и студен-

тов ИГУ, такое непонимание математической статистики безусловно компрометирует.²²

Примитивный уровень фальсификации огорчает не столько из-за результатов выборов, сколько тем, что демонстрирует всю убогость мышления наших руководителей. Как могут люди со столь ограниченными умственными способностями принимать ответственные решения?

Но они первые начали. Тенденция прослеживается с самого установления Советской власти (см. таблицу). Но если в 1927 году Сталин похвально перед американскими рабочими 50% проголосовавших (сколько из них было "против" - неизвестно); если через семь лет 70% "за" считается хорошим результатом; то еще через три года, во времена славного наркома Ежова, когда, как известно, приняли конституцию, построили социализм и пересажали добрую часть его строителей, - процент голосовавших превзошел естественно возможную границу.

Таблица.

Некоторые результаты выборов в Верховный совет СССР (число избирателей).

год	зарегистри- ровано, млн.	проголосовало, млн.	%	голосовало "за", млн.	%	число лиц старше 18 лет млн. ²³
1927	77,8	39	50,2			81
1929	81,3	51,6	63,5			
1931	85,9	60,9	70,9			
1934	91	77	85	63	70	97
1937	94	90,7	96,8	89,8	98,6	97,4
1970	153,237	153,172	99,96	152,772	99,74	158
1974	161,724	161,690	99,98	161,356	99,79	170
1979	174,944	174,920	99,99	174,734	99,98	185

Но, вступив на путь постоянного возрастания любви и преданности к своим руководителям, советский народ, а точнее, товарищи, которые отвечают за искреннее выражение его мнения, не могут остановиться. Вот где-то после войны цифра достигла

²²Названных товарищей упрекают, что они являются не только членами избирательных комиссий, но и кандидатами в депутаты. Конечно, это не главная причина фальсификации, хотя с другой стороны кандидат, который сам голосует и сам подсчитывает бюллетени - фигура комическая, демонстрирующая невысокое правовое сознание организаторов кампании.

²³Рассчитано по данным переписей.

99%, вот появился четвертый знак - сотые доли процента, вот и они достигли предела.

Конечно, советские люди, сами многократно участвовавшие в избирательной процедуре, хорошо представляют себе механизм появления необходимых процентов, но для самых непонятливых поясним. Назойливость агитаторов, их просьбы и угрозы вынуждают делегировать на избирательный участок кого-нибудь из семьи, а то и из квартиры. Голосуют за мужа, за жену, за детей, за соседей, за знакомых. Голосуют по просьбе и без нее. При наличии паспорта отсутствующего лица и без всякого паспорта. Никакими постановлениями или инструкциями эта сложившаяся избирательная система не регламентируется, она противоречит закону и Положению о выборах, но при этом, однако, успешно функционирует. К престарелым, занятым, просто ленивым агитаторы приносят урну домой, причем имеют полную возможность опустить по дороге в нее любое число пустых бланков. На отсутствующих домоуправления, работающие по специальному приказу в этот воскресный день, выписывают агитаторам справки, что такого-то нет, или такой-то болен. Эти справки позволяют комиссии (опять же в противоречии с Законом) исключать человека из списков. Если же нежданный избиратель вдруг появляется, то его справка уничтожается. Видимо, этой операцией вычеркивания из списков в последний момент объясняется заметное расхождение между числом избирателей и числом граждан старше 18 лет (см. таблицу).

Наконец, на всех уровнях: участковой, окружной, областной избирательных комиссий хорошо известно "сколько надо". И редкий председатель удержится от выполнения требуемой цифры, тем более для этого всего-то надо положить в один из деревянных ящиков пачку чистых бланков. Таким простым путем можно избавиться себя от неприятностей и даже заслужить благодарность.

Ну, а что же будет дальше? Продолжая наметившуюся тенденцию, не приходится сомневаться, что на следующих выборах в 1984 году исчезнут и эти последние 24 тысячи жалких отщепенцев и мы все: парработники и диссиденты, агитаторы и провокаторы, алкоголики и шизофреники, уезжающие евреи и отошедшие в мир иной, дружно и единодушно, взявшись за руки, продемонстрируем и проголосуем.

А еще дальше? Неужто примитивная арифметика сможет положить предел нашему безграничному стремлению к совершенствованию? Исключено. Мы перешагнем наконец этот унижительный сто-процентный рубеж, поднимемся над ним, оторвемся и полетим, полетим вперед в наше бесконечное светлое будущее.

1979 г.

Р.С. редкваци. Очередные выборы в Верховные Советы союзных республик 24 февраля 1980 года продемонстрировали еще один шаг в предсказанном направлении.

ЧТО ЗАПРЯТАНО В НОВОМ ЗАКОНЕ О ГРАЖДАНСТВЕ В СССР

Закон о гражданстве от 1 декабря 1978 г. рекламирован на очень высоком уровне. Первый заместитель Л. И. Брежнева - В. В. Кузнецов посвятил ему отдельное большое выступление на сессии Верховного Совета СССР. Он особо подчеркнул, что положения этого закона об утрате гражданства соответствуют Международному Пакту о гражданских и политических правах.

Однако в Пакте нет ни слова об утрате гражданства. Вообще термин "гражданство" встречается в Пакте только один раз, в ст. 24, где говорится о праве ребенка на приобретение гражданства.

Такова первая несуразность. Вторая заключается в том, что утрата гражданства связывается теперь с такими условиями, как выполнение гражданином обязательств и соблюдением им законов СССР. Казалось бы, эти условия подходят для процедуры принятия в гражданство, а не для выхода из него. Не мог же Законодатель опасаться, что нарушитель обязательств или законов, выйдя из гражданства, останется безнаказанным. Как известно, власть государства распространяется на всех лиц, находящихся на его территории. Нельзя также предположить, что запрет на выход нарушителей из гражданства имеет гуманную цель - обеспечить их право на защиту. По Советскому законодательству за лицами, не являющимися гражданами СССР, признается правоспособность наравне с советскими гражданами, и при выходе из гражданства возможности защиты не уменьшаются.

Восстановить некоторую логику и снять с Законодателя обвинение в полной бессмысленности удастся путем сравнения новых условий выхода из гражданства с условиями эмиграции, установленными Пактом (ст. 12). Сравнение показывает несомненное внешнее сходство. Становится очевидным, что условия утраты гражданства включены в новый Закон в качестве условий эмиграции, отсутствие которых до сих пор позволяло укорять Советский Союз даже в формальном невыполнении Пакта.

Подобная подмена названий имеет определенные основания, так как эмиграция из СССР обычно сопровождается принудительным выводом из гражданства. Стидливое умолчание об эмиграции замаскировано, видимо, из русского права царских времен, где возможность эмиграции содержалась в неявном виде в правилах "временных отлучек за границу". Однако эти правила обеспечивали легкое и быстрое оформление отъезда.

Нынешнее укрытие эмиграции за ширмой гражданства заставляет думать не только о стыдливости. Оно может позволить властям продолжать двойственную политику. Внутри страны эми-

грацию можно будет по-прежнему подавлять, так как даже те лица, которые полностью удовлетворяют условиям нового Закона, не смогут на него опереться. В нем нет слов "эмиграция", "выезд", и чиновники (особенно на периферии) без смущения заявят, что Закон к эмиграции не относится. В то же время государственным и общественным деятелям Запада будет внушаться высказанная В.В. Кузнецовым мысль, что новый Закон соответствует Пакту. Уже поэтому сам факт принятия нового Закона должен рассматриваться как шаг не к выполнению Пакта, а к уклонению от него.

Рассмотрим теперь условия выхода из гражданства (условия эмиграции), дарованные новым Законом (см. ст. 17 Закона). Прежде всего, выход не допускается, если он "противоречит интересам государственной безопасности СССР". И этими пятью словами исчерпывается все, касающееся данного пункта, по которому множеству людей отказывают теперь в эмиграции, не говоря даже сроков задержки, и задерживают на 7-10 и более лет.

Пакт признает довод государственной безопасности в проблеме выезда из страны, но смысл Пакта состоит как раз в том, что любой общий довод должен быть конкретизирован в Законе страны. Иначе терял бы всякое значение основной принцип Пакта: обеспечение эффективной защиты права (ст. 2 Пакта), так как невозможно строить защиту на базе общих мест. Общая формула, установленная новым Законом, может только закрепить произвол властей в вопросе эмиграции. Мы знаем результаты этого произвола. Под предлогом госбезопасности в выезде отказывают и тем, кто давно не касался секретных дел, и родственникам засекреченных, и даже их землякам. В отсутствие сколь угодно четкого закона бороться с этим произволом - как биться головой об стену: нет норм, обуславливающих выезд, нет процедуры эффективной защиты, нет органа, обязанного объективно рассматривать обращения подневольно задержанных лиц. Таким образом, рассмотренный пункт совершенно не удовлетворяет смыслу и духу Пакта.

На следующем пункте запрета - по причине уголовного преследования - можно не останавливаться, так как эта причина тривиальна. Впрочем, были и нетривиальные случаи, когда подача заявления на выезд являлась поводом для возбуждения уголовного дела, но такие случаи должны быть предметом отдельного исследования.

Далее, новый Закон устанавливает возможности запрета из-за неисполненных обязательств перед государством и из-за неисполненных имущественных обязанностей, связанных с существенными интересами граждан или организаций. Весь этот пункт находится в полном противоречии с Пактом.

Первое: об обязательствах перед государством. Пактом этот довод не предусмотрен. Новый Закон не указывает, какие обязательства имеются здесь в виду. Обязательства гражданина СССР перед государством - это его конституционные обязанности, в числе которых, кроме воинской службы, есть обязанности

добросовестного труда, охраны интересов государства, охраны социалистической собственности, природы и культурных ценностей. Критериев исполнения обязанностей нет. Власти, которые будут судить об этом по своему усмотрению, всегда смогут заявить, что гражданин не исполнил, например, обязанности добросовестного труда или недостаточно позаботился о культурных ценностях. Так можно будет отказать в выезде любому. По стародавнему и широко распространенному обычаю неоспоримой является обязанность воинской службы.² Но в СССР человек, подавший заявление об эмиграции, при призыве в Армию насильно подвергается засекречиванию. Это позволяет властям задержать его эмиграцию после Армии на долгие годы. Военная обязанность становится в этих случаях орудием подавления эмиграции, орудием неволи, и с этим согласиться нельзя.

Второе: об имущественных обязанностях, связанных с существенными интересами граждан и организаций, Пакт говорит о возможности ограничения выезда из страны, когда это необходимо для охраны п р а в и с в о б о д других, а не для охраны существенных интересов. Слова "существенные интересы" допускают произвольное толкование и не подходят для Закона. В связи с этим я вспоминаю многих здоровых и хорошо обеспеченных людей, которые в угоду властям отказывали своим взрослым детям, решившим эмигрировать; в свидетельстве об отсутствии материальных претензий. Позиция родителей была неправомерной, так как закон о браке и семье обязывает детей материально поддерживать родителей только тогда, когда родители нетрудоспособны и нуждаются. Однако административные власти всегда заявляли, что отказ родителей связан с их существенными интересами, и на этом основании не давали детям разрешения на выезд. Так создавалась система искусственной родственной кабалы, задержавшей эмиграцию многих и многих людей. По-видимому, эту незаконную практику собираются сохранить и узаконить вместо того, чтобы решать спорные случаи (с гражданами и организациями) на строгой правовой основе и в судах, а не в административных органах, ведающих выездом, как это делается теперь.

Нам остается рассмотреть последнюю и, может быть, наиболее драматическую часть нового Закона, которая также связана с проблемой эмиграции. Ст. 22 Закона устанавливает, что если из гражданства СССР выходит один из родителей, а другой остается гражданином СССР, то ребенок остается гражданином СССР. Практически это означает запрет на эмиграцию из СССР лиц, желающих выехать с несовершеннолетними детьми от расторжения брака, если второй родитель остается в СССР.

До сих пор подобные случаи регулировались законодательством о браке и семье СССР, по которому вопрос о проживании несовершеннолетних детей с отцом или матерью, живущими раз-

² В Пакте военная обязанность учитывается пунктом "государственная безопасность".

дельно, решается по согласию родителей, а при отсутствии согласия - судом. Среди эмигрантов 70-х годов было много женщин, уехавших с детьми от расторгнутого брака. Многие отцы не поддерживали связи с оставленными ими детьми и охотно давали разрешение на их отъезд. Иногда, потакая властям, они затягивали выдачу разрешения. Но если выяснялось, что отец не принимал участия в воспитании детей, мать с детьми отпускали. Этот сравнительно объективный подход сейчас ломается за ширмой гражданства. Используя формальную связь детей с теми родителями, которые нисколько не дорожили ими, новый Закон наделяет государство деспотическим правом не считаться с подлинными родителями (воспитателями) в определении судьбы детей. Возможная ссылка на то, что плохих родителей в СССР лишают родительских прав, не состоятельна, так как унижительная процедура лишения родительских прав применяется подчас именно к родителям-эмигрантам, а к обычным гражданам она применяется лишь в совершенно исключительных случаях (наркомания и т.д.). Таким образом, новый Закон противоречит гуманным элементам Советского законодательства о семье.

ВЫВОДЫ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Новый Закон задуман как средство регулирования эмиграции. Именно в этом своем качестве, вопреки рекламе, он не соответствует ни духу, ни букве Пакта о гражданских и политических правах. Его основное значение состоит в том, чтобы сохранить полный произвол властей в области эмиграции и законодательно закрепить столь редкую теперь в мире возможность удерживать людей в подневольном состоянии, хотя это строго запрещено Пактом. В части эмиграции родителей с детьми новый Закон является шагом назад даже по сравнению с существующим законодательством СССР.

Необходим пересмотр Закона и выделение в нем (или из него) четкого положения об эмиграции, исключающего двусмысленность и устраняющего произвол. Опыт эмиграции текущего десятилетия позволил установить минимальные условия, которые согласуются с международным правом и которые должны быть отражены в таком положении. Предложения с текстом этих условий были направлены эмигрантами Л. И. Брежневу еще в сентябре 1977 года.

1. Должно быть снято требование вызовов для эмиграции.
2. Должна быть возможность ознакомления эмигранта с заключением экспертов по его делу и с установленным для него сроком задержки.
3. Эмигрант, подлежащий призыву в Армию, не должен привлекаться к воинской (или иной) службе в условиях, связанных с секретностью, и должен иметь возможность эмигрировать сразу по окончании службы.
4. Разрешение споров по материальным претензиям к эми-

гранту должно производиться в судебном порядке по заявлению любой из сторон.

5. Должна быть установлена возможность обжалования в суде решений об отказе в эмиграции.

6. Эмигрант и члены его семьи после подачи заявления на выезд не могут быть переведены на работу с условиями труда худшими, чем до подачи.

Сегодня к этим пунктам должен быть добавлен следующий, предназначенный заменить формулировку ст. 22 нового Закона:

7. Споры, касающиеся судьбы несовершеннолетних детей, должны рассматриваться на основе реальных отношений родителей к детям. Рассмотрение должно производиться в суде по заявлению любой из сторон.

Новый Закон - не к чести Советского Союза. В надежде, что это может быть понято, я направляя настоящее письмо в Президиум Верховного Совета СССР, от которого зависит установление действительной законности в области эмиграции.

Кроме того, я адресую это письмо своим коллегам по эмиграции, лично заинтересованным в пересмотре закона о гражданстве, и всем тем, кто сочувствует нам. Я призываю всех высказаться о новом Законе. Пусть новые и новые обращения окажут, наконец, благое действие.

14 февраля 1980

Москва, 3-я Прядильная ул., д. 5, кв. 14.

ДИСКУССИЯ

В. Я. ЛАКШИН

В редакцию "вестника рхд"

Мне не следовало бы, наверное, отвечать на удивительно грубую, недобрую статью Ф. Светова "Разделение...", напечатанную в 121-й книжке "Вестника", если бы не одно обстоятельство. В обширной статье, добрая треть которой посвящена полемике со мной, не нашлось сколько-нибудь внятного указания на то, когда и где опубликован текст, с которым спорит критик, так что читатель, усомнившийся в яростных обличениях Светова, не сможет сравнить тексты и выяснить меру его правоты.

Между тем такая проверка совершенно необходима, ибо сюжет, о котором пишет Светов, приобретает под его пером самые фантастические, извращенные очертания.

С точки зрения Светова, я совершил отчаянную ошибку, что решился возразить Солженицыну на его книгу "Бодался теленок с дубом". Но что делать, если я не разделяю молитвенного отношения к некоторым из недавних сочинений нашего замечательного писателя — что видел, что сам чувствую, не могу уступить силе даже самого громкого и подавляющего авторитета.

Предвзятость, несправедливость суда Солженицына над "Новым миром" 60-х годов была для меня очевидна и, прочтя его книгу, я решился записать — не для печати, а для себя и для круга друзей — как я помню, знаю и понимаю то время и людей, каких он описывает. Вырвавшиеся в Самиздат и в течение года ходившие по рукам мои заметки "Друзьям "Нового мира" были напечатаны в 1977 году в Париже в издательстве Альбен Мишель отдельной книгой под заглавием "Ответ Солженицыну", а по-русски появились в альманахе "XX век" (вып. 2, Лондон, 1977). Эти публикации уже вызвали разнообразные — и вполне сочувственные, и критические — отклики в западной печати. Но то, что появилось в "Вестнике", покинуло берега обычного литературного и общественного обсуждения.

Светов досадует на то, что я мало менялся в последние годы: в самом деле, литературная вертлявость не кажется мне большой добродетелью. Забывает он, между прочим, отметить, что не менялся я и в своем уважении к большому таланту Солженицына. Приходится напомнить, что в 1964 году в статье "Иван Денисович, его друзья и недруги" я писал, защищая Солженицына

от яростных нападок: "...Чем дальше будет жить эта книга среди читателей, тем резче будет выясняться ее значение в нашей литературе, тем глубже будем мы сознавать, как необходимо было ей появиться". Не помню, чтобы Ф. Светов принимал тогда участие в этих спорах о Солженицыне, — он писал и издавал книги о Михаиле Светлове с его "Каховкой" и "Гренадой" и трактат "Ушла ли романтика?", а теперь учит меня понимать значение автора "Ивана Денисовича". Но и, правду сказать, что делать, если, высоко ставя рассказы Солженицына и его романы "В круге первом" и "Раковый корпус", признавая огромное явление "Архипелага ГУЛАГ", хоть и не склоняясь перед этой книгой богомольно, я не могу принять ни мемуаристику "Теленка", ни книгу о Ленине, ни большинство политических интервью и писем Солженицына, где, на мой взгляд, ненависть делает его беднее и уже себя.

В статье "Разделение...", посвященной апологетическому разбору "Теленка", у Светова трудно найти какой-нибудь новый оттенок мысли, он идет за Солженицыным слепо, стопа в стопу, лихорадочно ухватившись за рукав поводья и копируя его интонации. Только в одном он, пожалуй, еще смелее Солженицына — в личностном тоне, в оскорбительных словечках: "лежалое тряпье", "обрыдший маскарад" (223), "барский оклик" (230), "жалкий фарс" (223), "смрадный дух" (232) и т. п. Читая это о себе, я все думал: что это напоминает? И вдруг вспомнил: да это, как две капли воды, тот самый тон полемики, каким встречены были в печати мои статьи в "Новом мире" в защиту Солженицына в 1964–1966 годах. Я не поленился перелистать их теперь и убедился, что когда Светов пишет "Лакшин распоясался" (29), он лишь повторяет П. Строкова из "Октября", писавшего обо мне: "разбушевавшийся критик"; когда он рассуждает о моем высокомерии, "барском юморе", то слегка перефразирует статью Б. Дьякова, который возмущался, что, защищая Солженицына, я "грубо и высокомерно третирую большую группу литераторов"; а когда Светов позволяет себе усомниться в моих чувствах по отношению к народу, прошедшему через архипелаг (224), он заимствует полемический присм "Литературной газеты", которая негодовала, что мною "кощунственно брошена тень" не на отношение "к герою художественного произведения, нет, а к реальным жертвам сталинского произвола" (см. "Октябрь", № 3, 4, 1964; "Литературная газета", 1964, № 66).

Таким образом, если я менялся мало, то мало менялся по отношению ко мне, вплоть до новейшей статьи Светова, и тон родной отечественной критики.

Мало ушел Светов в "Вестнике" и от знакомых методов полемизма моих оппонентов 60-х годов. Мне уже приходилось отмечать, что их благородное негодование чаще всего основывалось на подозрениях, расширительном толковании сказанного и усечении цитат с приданием литературно-криминального оттенка.

То, что он успешный ученик школы "чтения в сердцах", Светов хорошо показал, разбирая одну из моих статей, посвященных журнальным деятелям прошлого века - Сенковскому и Некрасову. Мой рассказ о том, что издатель "Отечественных записок" охотился и играл в карты с цензорами, стремясь сохранить журнал, кормил их обедами у Дюссо и печатал повести влиятельных светских знакомых, Светов воспринял как простодушное изложение, прозрачную зашифровку привычек и обстоятельств журнала "Новый мир". Особенно понравилось ему упоминание об "обедах у Дюссо", и он взялся обличать "Новый мир" за вопиющую беспринципность.

"Стоят ли хоть что-то журнальные номера, если страницы их захватаны жирными пятнами (захваганы... пятнами??? - В. Л.) соусов от Дюссо" (стр. 220). И дальше - больше, самовозжигаюсь праведным гневом, о Твардовском и обо мне: "Ну уж, не говоря о том, что приходилось пить и чем закусывать на "обедах у Дюссо", спасая журнал..." (стр. 226). И опять: "Но поскольку единственная реальность для Лакшина - цензура, а единственная реальная деятельность - обеды с цензорами у Дюссо..." (стр. 227). И четвертый раз, с тем же остроумием: "Все на тех же обедах у Дюссо решается, по мнению Лакшина, судьба русской литературы" (стр. 229).

В данном случае Светов полностью усвоил чисто цензорский взгляд на вещи: в статьях "Нового мира" цензура усердно искала и вымарывала все, что казалось ей "аллюзиями", несло "неконтролируемый подтекст", на поисках которого одно время помешалось литературное чиновничество. Мелкое, несправедливое по существу (ведь все в истории повторяемо, и в этом смысле, чего ни коснись - одна аллюзия), такое чтение припахивало еще и "донесением по линии", и "Новый мир" всегда его убежденно отвергал не для того, чтобы теперь присутствовать при возрождении этой методы у Светова.

Светов хорошо овладел техникой нарезания цитат в такую крошку, что с помощью их огрызков легко придать любой мысли оппонента прямо противоположный смысл.

Один пример. Я упрекал Солженицына за то, что, оказавшись за границей, он стал без нужды спешить с публикацией мало значительных отрывков из биографических материалов, торопясь создать свою версию автобиографии. Речь шла о "дневниках, записках, письмах, вариантах сочинений". Однако, вырвав из контекста слова: "Солженицын торопится печатать в журналах", "поспешно публикует", Светов стал убеждать читателя, что в моем лице он находит тайного врага всего творчества Солженицына, начиная с "Ивана Денисовича" и кончая "Архипелагом Гулагом". "Вот, оказывается, какой "неторопливости" ждал Лакшин от Солженицына, - восклицает мой новейший разоблачитель, - какие "обычаи писателей былого века" кажутся ему привлекательными - куда уж было б лучше спрятать книги Солженицына "вдали от глаз публики", а совсем было бы хорошо еще подальше - "за порог земной жизни", лет эдак на 50 или 100!" (230).

И тут уж Светову легко отличиться, пойдя дальше самого Солженицына: автор "Теленка" лишь сомневается, стоит ли ему испытывать благодарность к журналу, впервые его напечатавшему; Светов категорически решил, что Солженицын с "Иван Денисовичем" появился в литературе не *благодаря, а вопреки* "Новому миру", во всяком случае, вопреки всем соредакторам Твардовского.

О чем можно спорить при таком способе цитирования? "Карта рукав совал", - говорит персонаж одной старой пьесы. Да, Светову все нипочем. Чего не сделаешь в страстной заботе сбросить с оппонента "обветшавший маскарад", вскрыть "подлинное лицо нашего критика"!

Светов обличает редакторов "Нового мира", и меня в первую очередь, в беспринципности, корысти ("литературная эквилибристика за полноценный гонорар"), хлестаковщине, необразованности, запойном пьянстве ("Ну, а коль пилось "запойно и мучительно", заслуживает ли абсолютного доверия наш "свидетель на процессе"? - стр. 226), притворстве, трусости, "вранье пур ле жанс"... Он забывает, что для того, чтобы ему поверили, лучше было бы выбрать что-то одно. Но он уже, видно, не может сладить с собой в напряженном желании "вмазать", выражаясь его словами, "Новому миру".

Очень не хочется, отвечая Светову, ненароком впасть в его тон. И я ищу в его статье то, что может хоть немного объяснить психологическое состояние полемиста, забросившего чепец за мельницу. Есть что-то женственно-капризное в манере его спора, немужская экзальтация, пренебрежение логикой, захлебывающийся поток обвинений, будто в приступе ревности, порой истерический смехок и такое беспамятство на привычное добро, что мне трудно вообразить прежнего Ф. Светова, не очень сложившегося, разбросанного, но всегда симпатичного, уступчивого и чувствительного критика и рецензета "Нового мира".

Сейчас он разрешает себе дуться даже на то, что принадлежал "к благодетельствованным раз и навсегда авторам" "Нового мира" (228). Теперь, когда вот уже семь лет нам начисто нечем его "благодетельствовать", он прозрел на наш счет. Так оно обычно и бывает. "На обеде - все соседи, а пришла беда - они прочь, как вода".

И какая нестойкая память! Вот он сердится теперь на старую мою статью "Посев и жатва" (1968) о трех поколениях русских революционеров, и удивляется, как я мог говорить о них с уважением и всерьез обсуждать "проблему нравственного долга", "черты", через которую нельзя переступить. Но как же забыл Светов о том, что примерно тогда же, в 1966 году, сам он поместил в "Новом мире" статью о книге "Дантон", написанной его покойным отцом Цви Фридляндом. Ц. Фридлянд - историк-марксист, преподаватель "Свердловки" и Института Красной профессуры, принадлежал как раз к первым поколениям большевиков и был уничтожен вместе с тысячами других в пору сталинского

террора. Естественны чувства любви и уважения, с какими говорил тогда Светов об отце, но интересно и то, с какой рассудительностью и уважением писал он тогда о Дантоне - одной из самых сомнительных фигур французской революции.

Конечно, любой человек вправе меняться, и даже коренным образом отвергать свои бывшие понятия и верования, приходить к новой вере - и максимальная терпимость, на мой взгляд, норма просвещенного человека.

Светов дважды употребляет в своей статье одно выражение. О Твардовском он говорит, что тот "топтался на перекрестке". И о себе, что сам он все еще "топтался на перекрестке". Твардовский так и умер, с перекрестка не сойдя, а он, Светов, пришел к новой вере и к тому, что необходимо "Разделение...", как назвал он свою статью (прежде у нас это называли "размешивание").

То, насколько сложна современная русская жизнь, и насколько противоестественны порой выводы из самых нормальных духовных процессов, показывает, на мой взгляд, "случай" Светова.

В истории нередки случаи, когда человек, коренным образом менявший свои убеждения и верования, обращал свой внутренний взор на собственную жизнь, видел ее неправоту и перед глазами мира обличал себя, чтобы оправдать свой душевный поворот. Со Световым произошло иначе: он пережил переворот, отказ от прежних верований, но сопровождал это не попыткой гласного пересмотра себя, а злобным личным нападением на круг людей, с которыми прежде был близок.

Светов уверен в безусловной, исключаящей любую критику, правоте Солженицына и своей собственной правоте. Пусть так, и его путь "с перекрестка" вернее. Но отчего это сознание правоты питается столь сомнительными способами сокрушения оппонента? При таком наклоне ума новообращенный разрешает себе все судороги ярости, его слог сочится ядом, он терлет всякое чувство меры и расстается с понятиями о достоинстве в одном желании ударить побольнее. Не уносит ли это в любом случае от той духовной цели, какой Светов желал послужить?

Светов много и с каким-то упоением твердит о "смерти "Нового мира". Солженицын относит "духовную смерть" журнала к 1968 году, Светову это мало: по его счету "Новый мир" умер, едва опубликовав "Ивана Денисовича", то есть в 1962 году. Не выяснится ли вскоре, что журнал Твардовского умер, еще не родившись?

"Новый мир" действительно умер, как приметное явление в нашей культурно-общественной жизни в феврале 1970 года, когда Твардовский и другие члены редколлегии были изгнаны из журнала. Но смерть смерти рознь. Где, как не в "Вестнике", лишний раз вспомнить замечательные слова: "...Если пшеничное зерно, падши в землю, не умрет, то останется одно, а если умрет, то принесет много плода" (От Иоанна, 12, 24).

Традиции "Нового мира" в нашей культуре, в нашей стране не могут погибнуть без следа. А статья Светова останется, надо думать, заурядным случаем недобросовестности. Не доброй совести.

17 октября 1977 г.

Н. САЦ

О статье Ф. Светова "разделение..."

[печатается с сокращениями]

Еще два года тому назад В. Я. Лакшин написал свой ответ Солженицыну по поводу его книги "Бодался теленок с дубом". Как известно, в книге Солженицына Твардовский изображен человеком благородным, но слабовольным, он раб своих "догматических" взглядов, своей привычки к быту привилегированного слоя, он раб своего пристрастия к алкоголю. Редколлегия "Нового мира", собранная Твардовским, была, если верить Солженицыну, сборищем пьяниц, бездарностей, поддерживающих Твардовского во всем плохом, что в нем было, мешающих во всем, что в нем лучшего.

Пройти мимо этой карикатуры Лакшин не мог. Он напомнил Солженицыну, что тот и сам иначе относился и к журналу, и к людям, здесь работавшим, когда именно "Новый мир" первым стал публиковать произведения Солженицына. Пришлось напомнить Солженицыну, что он относился тогда по-другому и к Лакшину, автору статьи "Иван Денисович, его друзья и недруги" - единственной в советской печати статье с прямой и резкой полемикой против нападок на произведение и на автора.

Цель ответа Лакшина очевидна - довести до сведения читателей, что существует и другой взгляд на Твардовского, чем тот, который нам предлагает Солженицын. На Твардовского как на человека и на его литературную деятельность - славную страницу в истории современной литературы.

Но есть люди, которым сдержанность кажется слабостью, а слабость так и зовет к нападению. К этому сорту людей принадлежит, очевидно, и Феликс Светов, опубликовавший свою статью "Разделение..." в № 121 "Вестника христианского движения" за 1977-й год. В его статье речь идет о противопоставлении теперешнего Солженицына и уже с ним тому направлению в советской литературе, которое связано с Твардовским как писателем и редактором журнала "Новый мир" и с творчеством писателей, публиковавших свои сочинения преимущественно в этом журнале. Светов утверждает, что главная роль этого журнала заключалась в предуготовлении пути для Солженицына. Публикация "Одного дня Ивана Денисовича" была высшей точкой, за которой

путь был только один - укрепившись на уже достигнутом (а Солженицын тут же предложил романы, делавшие тот уровень несомненным), двинуться дальше... Но была ли сила удержать этот уровень? Много проще, погуляв на том фестивале, сделать вид, что никакого нового уровня вроде и нет. Как пишет Светов, "взлет, открывший дорогу русской литературе, был одновременно и концом журнала - за десять лет до его официального закрытия" (198).

Обратим попутно внимание на уровень "правды" у Светова. Он пишет, что "был вхож в редакционные кабинеты" журнала - значит, не мог не знать, что "Раковый корпус" был принят "Новым миром", что Твардовский лично отстаивал право на публикацию этого романа в заседании Секретариата Союза писателей, что этого права не добился. Не мог этого Светов не знать, но скрывает от своих зарубежных читателей. Нет дива, что и усилия Твардовского убедить решающую партийную инстанцию в необходимости опубликовать "Один день Ивана Денисовича" Светов называет "интригой проникновения к высшему начальству".

Не 1^я, а 7 лет Твардовский оставался главным редактором "Нового мира" после публикации "Ивана Денисовича". Возьмем любые три года из этих семи.

В 1964 году были напечатаны повести и большие очерки: Ю. Домбровского "Хранитель древностей", Е. Дороша "Деревенские дневники", Н. Воронова "Юность в Железнодорожском", С. Заплатина "На Иртыше", А. Побожий "Мертвая дорога", рассказы Г. Бёлла, В. Лихоносова, В. Пановой, В. Шукшина.

В 1966 году были напечатаны: Ч. Айтматов "Прощай, Гюльсари!", В. Быков "Мертвым не больно", Ф. Искандер "Созвездие Козлотура", Б. Можаяев "Из жизни Федора Кузькина", рассказы Г. Бёлла, И. Исакова, Е. Носова, В. Семёна, А. Солженицына ("Захар-калита"), Л. Славина, Ю. Трифонова.

В 1968 году "Новым миром" был опубликован роман Ф. Абрамова "Две зимы и три лета", повесть В. Белова "Плотничьи рассказы", повесть В. Быкова "Атака с ходу", повесть Н. Баранской "Неделя как неделя", повесть Ю. Трифонова "Предварительные итоги", рассказы и повести В. Шукшина и Ю. Трифонова.

Да ведь мы не перечислили здесь и половины тех романов, повестей и рассказов, которые не только привлекли внимание читающей публики, но и оставили след в нашей литературе, да и продолжают жить в ней и поныне. А ведь все это было напечатано в те семь лет, когда, по приговору Светова, журнал был уже мертв. Может быть, и рассказы Солженицына "Матренин двор" и "Случай на станции Кречетовка" тоже печатал мертвый журнал?

Нет желания копаться во всей той дурно пахнущей жижи, которой Светов напичкал 30 страниц своей статьи, точнее - заявления. Достаточно будет показать на нескольких примерах те приемы, которые он применяет для дискредитации "Ответа Солженицыну". Главный из этих приемов состоит в усердной попытке дискредитировать лично автора ответа В.Я. Лакшина.

Солженицын, для характеристики одиночества Твардовского, утверждал, что у него не было друзей. Лакшин называет друзей Твардовского, пишет и о своей личной близости - он имел на это право, это знали все: Твардовский пригласил его стать членом редакции, вместе с ним выступал перед читателями на вечерах, посвященных "Новому миру", они были дружны домами. Лакшин должен был писать об этом, чтобы противопоставить правду о Твардовском тем оскорбительным для памяти Твардовского бытовым подробностям (в том числе подробностям внутриредакционного быта), которые Солженицын собрал из чужих сплетен и из ложного понимания им самим виденного и слышанного. Светов комментирует: "Как не вспомнить Ивана Алексеевича Хлестакова - "С Пушкиным на дружеской ноге".

Лакшин, рассказывая о том, как трудно издавался журнал, объединяющий широкий круг (не кружок) писателей, признает, что приходилось порой идти на уступки и допускать "слова и способы высказывания принужденные, вызванные тактикой". "Но почему-то не стыдно, ничего не стыдно...", - как говорил в этих случаях Твардовский".

Кажется, понятно, почему. Понятно, что не стыдно идти на уступки во второстепенном - в "способах высказывания" - когда речь идет об осуществлении главной задачи: отражения в литературе правды самой жизни. Но все-таки и слова в "способах высказывания" Твардовского не легки, вызывают досаду, и иногда и уколы стыда.

Что делает с этим Светов? То же, что и со всем в статье: притворяется, будто не понимает, извращает смысл цитируемого. "Ничего не стыдно! - ужасается Светов. - И это русский поэт!"

Светов перечисляет, что у Твардовского было, чего он должен стыдиться в его "долгой мучительной жизни". Составив краткий перечень грехов Твардовского, Светов пользуется случаем, чтобы, перейдя с высокого штиля на низкий и неуклюже подражая своему учителю, повторить то, о чем бы и самому Солженицыну лучше забыть - сцену из "Теленка", где описано, как Твардовский опьянел в доме Солженицына ("в доме трезвенника", - добавляет Солженицын. Совсем как фарисей: благодарю тебя, Господи, что я не таков, как сей мытарь).

"Ничего не стыдно!..." Действительно ли Твардовский это сказал? - спрашивает Светов. - Не затуманилась ли у Лакшина память "от принятых с главным редактором стопок?"

Остроумие Светова здесь - в духе сержанта милиции. Повадки Светова-полемиста напоминают повадки тех личностей, что когда-то позорили односельчан, вымарывая ночью ворота дегтем. Разница в том, что те не делали дегтем знаки креста.

Примеров довольно. Можно перейти к тому, как Светов объясняет действительное "разделение" между Твардовским и автором "Теленка".

"Я пишу здесь и о себе, о своем пути", - заверлет Светов, - и потому думаю, имею право об этом говорить", т.е. свидетельствовать от своего лица. "Речь идет... о приобщении к истинной высоте духовного подвига русской литературы, о причащении трагедией, открывающейся нам сегодня в творении Пушкина, в звенящей высоте подвига Гоголя, в борении духа Достоевского и катастрофе Толстого - об отношении человека с Богом и в выплеснувшейся в начале века в пророческом отчаянии и апокалиптике Блока и Розанова" (198-199).

О каком Пушкине "идет речь", видно уже из того, что ряд замыкается Розановым - это "Пушкин сегодня", Пушкин Синявского. "Подвиг Гоголя" - в его отречении от "Ревизора" и "Мертвых душ". "Катастрофа Толстого" - очевидно та, что он был предан анафеме и отлучен от церкви.

Действительно, чуждость этому пути - здесь Светов, наконец, не лжет, - подтверждается и тем, что когда Солженицын навязал Твардовскому разговор о сборнике "Вехи", Твардовский трижды его переспросил: "слово-то короткое и незнакомое" - рассказывает в "Теленке" Солженицын. А Лакшин на вопрос о "Вехах" сказал, что ему это сейчас не надо.

Конечно, название сборника "Вехи" было Твардовскому знакомо. Если даже он и не читал этой книги, то знал о ней из истории русской общественной мысли XX-го века или хотя бы из статьи Ленина. Просто Твардовский не понял, почему об этом зашел разговор и даже переспросил: ведь еще казалось странным, что Солженицын соблазняется заурядной реакционностью. Но тот "путь", которым Светов "шаг за шагом шел за Солженицыным", Твардовскому был не только чужд, а отвратителен. Твардовский действительно "гордился участием в грязной действительности", не уклонялся от повседневной борьбы за то, чтобы создать достойную жизнь и против того, что этому мешает. В этом он следовал лучшим традициям русской литературы XIX века.

Твардовский и автор "Ответа Солженицыну" действительно находят опору в наследии русской демократии (Светов их зачисляет в либералы, не понимая противоположности понятий). За это их и ненавидят такие вчерашние сентиментальные либералы, а сегодня "взбесившиеся мещане", как Светов.

Еще скажем: для Твардовского современные писатели, печатавшиеся в "Новом мире", были ценны сами по себе. Мало того, он дорожил "тылами" журнала - дельными и правдивыми статьями и рецензиями не только о художественной литературе, но и о любой области жизни. Он не считал не стоящими внимания то, что Светов презрительно именует "обличениями недостатков и латанием прорех", провозглашая достойным только обращения к "последним вопросам бытия". А к чему приводит эта сторона "разделения", с очевидностью показывает то, что Светов написал о последней, неизданной поэме Твардовского "По праву памяти". "Твардовский, - пишет Светов, - попытавшись в послед-

ней поэме лишь рабски намекнуть на свою любовь и верность погибшему отцу (отделив его от остальных миллионов, их защитить еще не смел), он и эту поэму предал в жалком виде в газету, спасая свой журнал" (208).

И здесь все – намеренная ложь и клевета.

Твардовский заявил в газете, что отрывок из своей поэмы он не давал журналу "Посев", с которым дела не имел и иметь не хочет, что этот отрывок с 'направленным текстом кем-то передан тайком от него – он протестовал лишь против предательской попытки злоупотребить его именем. От своей поэмы он не отрекался. Напечатать ее не разрешили. Поэма говорит о судьбе миллионов без вины пострадавших, в числе их был и отец Твардовского, о всем народе нашей страны. Это содержание никоим образом не затмевается автобиографическими элементами – напротив, судьба реального отца, Трифона Гордесевича Твардовского, не названного в поэме по имени, выявляет свое значение.

Нет в статье "Разделение..." ни портрета Твардовского, ни портрета Лакшина, нет и портрета Солженицына. Есть только один, зато верный портрет – автопортрет ханжи, переславяющего сквернословие божьей, благочестиво возводящего к небу глаза, полные ненавистничества. Истинно по-ханжески святоша презирает "исправление недостатков" в "грязной действительности" – дело мирское, материалистическое, политическое, то есть ничтожное. Зато он готов благодетельствовать людей своей елейной проповедью.

Ханжа возмущается: неужто можно не понять, что в "Теленке" Солженицын воздвиг памятник Твардовскому?

Со своей стороны, Светов, опираясь на эпизоды из книги Солженицына, раскрывает сюжет, достойный увековечения в памятнике, на котором символически изображены две фигуры:

"И не придуманный (как и все здесь) – да и не выдумать! – трагический финал этого внутреннего сюжета: две последние их встречи. Твардовский – в больничной курточке – фиолетово-зелено-полосочной, в лечебных кальсонах, обернутый пледом, с бездействующей правой стороной, с глазами рассредоточенными, теряющими собранную центральность; его ведут к столу, подтягивал руками волоочащуюся ногу, он не может говорить: "выходит изо рта набор междометий, служебных слов – без главных содержательных" – *милит*. И это в то самое время, когда с детства раб, вчерашний зэк набирает полную грудь воздуха, когда у него в руках "Архипелаг", и он вот-вот крикнет им на весь мир. Разве не чудо эта судьба, не свидетельство того, что Россия просыпается?"

Светов поясняет, что здесь сбылось предвидение Солженицына, что может и так быть, что "дуб затрещит и свалится". Спасибо за пояснение – с каким это еще "дубом" бодался "теленок", да еще пряча нож за голенищем. Уже Солженицын, глядя на Твардовского, подглядывал, а слушал, подслушивал. Низость

натуры Светова помогла ему в неблагородстве превзойти своего духовного вождя.

Что можно прибавить к такому саморазоблачению?

29 октября 1977 г.

замечания редакции о статьях В. Лакшина и И. Саца

За всяким спором, в том числе и за журнальной полемикой, стоит поиск истины, во всяком случае тогда, когда вопрос правильно поставлен. За полемикой, вызванной публикацией литературных мемуаров А. И. Солженицына, в которой приняли участие В. Лакшин, Ф. Светов и И. Сац, стоят сразу же две проблемы: поиск исторической истины и оценка перспектив будущего. Без понимания этой двойной основы спора трудно разобраться в его сути, тем более, что и та, и другая сторона были склонны "перегибать палку".

За спором об образе А. Т. Твардовского и сотрудников "Нового мира" эпохи его расцвета, споре характера частного, но и весьма эмоционального, поскольку речь шла либо о живых, либо о недавно ушедших людях, память о которых близка всем, вставал совсем нечастный вопрос о роли "Нового мира" в развитии общественного мнения в 60-е годы с одной стороны, и будущее общественного движения в СССР - с другой. И если, несмотря на яркость образов и мастерство, делающие "Бодался теленок с дубом" почти что литературным детективом, истина все же ближе к Лакшину, когда речь идет о прошлом, то, как это не парадоксально, в выводах о настоящем и будущем скорее прав А. И. Солженицын, несмотря на весь его далеко не всегда и не всеми приемлемый ригоризм. Впрочем, парадоксальность эта объясняется просто - издан, отредактирован, а отчасти и написан "Бодался теленок с дубом" не в 60-е, а в 70-е годы, и если в мемуарах Солженицын не искажил событий, то вот его оценки их не являются по сути аутентичными, они относятся к более позднему времени и о некоторых вещах в угоду им, оценкам, Солженицын умалчивает. И сам образ автора, встающий со страниц "Теленка", соответствует Солженицыну 70-х годов, а не начала 60-х.

В отличие от распространенного мнения о том, что эпоха между XX и XXII съездами была эпохой критицизма, осмелюсь сказать, что это была пора надежд. Тогда представление о том, что у Советского государства две руки - правая и левая, - а не единый кулак, имело под собой некоторые основания. И поддавались такому настроению отнюдь не только люди, склонные подкармливать собственные иллюзии. Роман "Раковый корпус" - книга, исполненная именно этого чувства надежды.

Воплощением надежд был журнал "Новый мир". На его фоне издание журнала "Синтаксис" (редактор А. Гинзбург), редкол-

легия которого состояла отнюдь не из рыцарей без страха и упрека, кому угодно могла показаться возней мелких бесов, лишь дискредитирующей общее движение к свободе. Я совсем не хочу сказать этим, что дескать, время показало правоту А.Гинзбурга, выразившуюся в 70-е годы в правозащитном движении и т.д. Тогда время еще само себя создавало, и наша нынешняя жизнь могла быть другой. Все могло быть. И Солженицын тоже был творцом этого времени, а не провидцем его заката.

Но коли даже так, коли 70-е годы были в целом предопределены не 60-ми, а гораздо раньше, скажем - 1917-м, то все же каков в них вклад "Нового мира"? Если знаменем 70-х годов стал "Архипелаг ГУЛАГ" Солженицына, то за это произведение мы должны быть благодарны не только Александру Исаевичу, но и "Новому миру". Без писем, поступивших в его редакцию и передававшихся Солженицыну, без его свиданий с разными людьми, установленными благодаря "Новому миру", "Архипелаг ГУЛАГ", может быть, и был бы написан, но никогда не достиг бы такой широты в представлении советской истории и остался бы еще одними частными мемуарами вроде "Крутого маршрута" или "Хранить вечно". Забывать об этом никому не стоит.

Думаю, что именно эта мысль руководила В. Лакшиным в его критике в адрес "Бодался теленок с дубом", хотя она и не прозвучала с привычной для самиздатской литературы четкостью, и вычитывается с помощью русско-эзоповского словаря, к использованию которого мы так привыкли при чтении публицистики "Нового мира". Но как бы ни была эта мысль высказана, ее нельзя не признать справедливой, и В. Лакшин безусловно прав в оценке 60-х годов. Но вот для 70-х она, увы, не годится. Что же касается попыток В. Лакшина "обелить" образ А.Т. Твардовского, отвести от него упрека в пьянстве... Что ж, не пил? Да нет, пил, и как пил... Да кто из нас Богу не грешен? Не в этом суть.

С конца 60-х годов тот факт, что никакие либеральные тенденции не смогут смягчить суть структуры, стал ясен всем, способным прямо смотреть на вещи. На смену надеждам приходили иллюзии. Их основой было стремление образованца оправдать собственное существование, а иллюзорность их заключалась в том, будто бы можно служить этому государству - и не быть причастным к его преступлениям. Будто существует такая позиция государственного интеллигента, будь он член Союза писателей, почтенный профессор, журналист или инструктор отдела культуры, при которой его социальное положение не умаляет его порядочности.

Впрочем, так ли это? Ну что плохого, скажем, в моем друге, прекрасном специалисте и преподавателе, занимающимся вполне гуманитарной наукой, тонком знатоке западно-европейского искусства позднего средневековья. Время от времени его посылают за границу - с докладами на научные конференции. И кто бросит в него камень? Не я, да и не надо кидать камни. Но, что бы не слишком растекаться мыслью, приведу цитату из одного

письма Томаса Манна - для прояснения этой ситуации (впрочем, мой друг - умный человек, он сам мне эту цитату и показал - для характеристики своего положения). Итак: "Если бы немецкая интеллигенция, если бы все люди с именами и мировыми именами - единодушно выступили тогда против этого позора, если бы они объявили всеобщую забастовку, многое произошло бы не так, как произошло. Каждый, если он только случайно не был евреем, всегда оказывался перед вопросом: 'А почему, собственно? Другие же сотрудничают. Вряд ли это так уж страшно'? ... Непозволительно, невозможно было заниматься "культурой" в Германии, откуда кругом творилось то, о чем мы знаем. Это означало прикрашивать деградацию, украшать преступление. ... Ездить по путевке Геббельса в Венгрию или какую-нибудь другую немецко-европейскую страну и, выступая там с умными докладами, вести культурную пропаганду в пользу Третьей империи - не скажу, что это было гнусно, а скажу только, что я этого не понимаю и что со многими мне страшно увидаться вновь. Дирижер, который, будучи послан Гитлером, исполнил Бетховина в Цюрихе, Париже или Будапеште, становился виновным в непристойнейшей лжи - под предлогом, что он музыкант и занимается музыкой и больше ничем". (Т. Манн "Письма", "Наука", М., 1975, стр. 184, 185, 186).

Однако при всей справедливости, с нашей точки зрения, ригористической позиции по отношению к образованщине, ее сторонники - а в данном случае речь идет о более или менее суженной группе людей, от Вл. Максимова до Ф. Светова - увы, не во всех случаях оказываются на высоте того полемического стиля, который на страницах "Нового мира" демонстрировал В. Лакшин. Связано это не только со стремлением поскорее забыть о своем, порой очень недавнем, образованском прошлом, но с одним куда более неприятным явлением. С некоторым, порой почти принципиальным отказом от разумного, интеллектуального рассмотрения мира во всей его сложности, что-то вроде "уверовал - и сим победиши". Чем бы ты не начал заниматься - исторической наукой или журнальной публицистикой. Появляются на страницах "Вестника РХД" статьи М. Бернштама о жидомарксистах, уничтоживших Россию, в своей тенденциозности доходящие до абсурда и не выдерживающие сколько-нибудь серьезной научной критики; или публикует журнал "Континент" "Сагу о носорогах" - достаточно грубый пасквиль В. Максимова о всех тех, кто, к своему несчастью, расходится с ним во взглядах - ох, не к чести это все. Точно также и полемика по поводу "Бодался теленок с дубом" рискует превратиться, если уже не превратилась, в некую интеллектуальную перебранку. Публикация ее эпизодов на страницах этого номера связана не со стремлением редколлегии принять ту или иную сторону или выступить в роли судьи, а со стремлением представлять читателю самые разные знамения нашего времени. Пусть читатель оценит сам и разные точки зрения - и сам спор в целом.

Л И С Т А Я Р А З Н Ы Е С Т Р А Н И Ц Ы

по страницам газет будущего

"ПРАВДА", 17 февраля 1985 г., воскресенье.

ИЛИУЖ. 16. (Соб. корр. "Правда") Трудящиеся всего мира приветствовали решительные мероприятия Советского правительства по временному вводу ограниченного контингента советских войск в Индию. Председатель Временного Революционного правительства Индии Карбаб заявил в интервью газете "Монд", что этот мудрый политический шаг спас народ Индии от китайско-американских агрессоров. Он отметил, что буржуазное правительство Индиры Ганди прекрасно понимало всю полноту нависшей над страной империалистической угрозы, но из узкопартийных интересов отказывалось смотреть правде в глаза. Такое поведение полностью разоблало идеологию буржуазной партии "т.н. парламентской демократии". Прогрессивные силы страны взяли власть в свои руки, чтобы спасти суверинетет и национальную независимость Индии. Ввод ограниченного контингента советских, афганских и пакистанских войск произведен по просьбе Временного Революционного правительства Индии в полном соответствии с международными соглашениями и правилами. Он получил полное одобрение индийского народа и является сугубо внутренним делом Индии.

Американские интервенты и их приспешники! Руки прочь от Индии - повторяет сегодня все прогрессивное человечество.

"ЗА РУБЕЖОМ", 20 февраля, среда.

Подборка материалов "Разумный и реалистичный шаг"

ХЕЛСИНКИ. 17. (ТАСС) Председатель Всемирного совета Мира К. Чандр заявил, что сторонники мира во всем мире с пониманием относятся к временной и чрезвычайно полезной для дела мира инициативе СССР, поддержанной Демократической Республикой Афганистан и Пакистанской народной республикой. Он призвал все народы мира не дать увлечь себя на путь антисоветской истерии. Всемирный Совет Мира выражает сочувствие Советскому правительству, которому это решение далось, как известно, нелегко.

"ПРАВДА", 19 февраля, вторник.

ПАРТ. 18. (ЮИИ). Премьер-министр Франции Ж.Демедье, выступая на обеде, данном в его честь Ассоциацией предпринимателей департамента Сена и Уаза, заявил, что правительство Франции понимает причины озабоченности, прозвучавшей во вчерашнем выступлении президента США, но не разделяет резких выпадов последнего, назвавшего ввод ограниченного контингента советских войск в Индию несвоевременной и вредной акцией. Премьер-министр сказал, что он не одобряет возвращения на рельсы холодной войны и использования таких избитых и скомпрометировавших себя терминов, как "оккупация" и "агрессия". Он указал, что терпение и осторожность позволят постепенно возобновить диалог с московскими лидерами.

Председатель Ассоциации Р. Дюрон от имени деловых людей Франции поддержал позицию правительства, добавив, что торговые отношения - главный путь к миру и взаимопониманию между народами. Поддержка Западной Европой экономических санкций Соединенных Штатов разрушит с большим трудом налаженные контакты с Востоком. Лишь безответственные деятели вроде председателя АФТ-КПП Г.Макси и его немногочисленных, к счастью, приспешников во Франции, заявил Р. Дюрон, руководствуясь корыстными, эгоистическими соображениями, могут призывать рабочих к нарушению "социального мира".

"ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА", 19 февраля 1985 г., вторник.

"Руки коротки!"

"Индия расположена в десятках тысяч километров от берегов Америки, но имеет, как известно, непосредственную границу с Пакистанской Народной Республикой - членом Кабульского оборонительного договора. Поэтому вопли об угрозе Соединенным Штатам выдают лишь их собственные империалистические замыслы. Не выйдет, господа империалисты и гегемонисты! Руки коротки!!!" - сказал сегодня на митинге рабочих автозавода им. Л. И. Брежнева заслуженный рабочий, ветеран труда, кавалер орденов Трудовой Славы и Знак Почета Петр Савельевич Иванов.

П И С Ь М А, В О С П О М И Н А Н И Я, Д Н Е В Н И К И

Неизданные письма Б.Л.Пастернака

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ (1)

10 янв. 1947 г.

Дорогая Елена Дмитриевна! Так как стали иногда пропадать письма ко мне (как напр. Ваше совместное с Кайсыном Кулиевым, (2) о кот. Вы упоминали) и мои письма к другим, я не уверен, получили ли Вы мое большое заказное письмо на 4-х страницах, посланное Вам в ответ на Ваше. Не огорчайтесь, если оно пропало. Вы этим ничего не потеряли, письмо было сбивчивое, слишком наспех написанное и, словом, такое, какими не должны быть письма, но, с другой стороны, не считайте молчанием или признаком невнимания его пропажу. С Новым годом Вас и К. и от души всего лучшего Вам обоим. В том письме к Вам я обещал прислать "Избранное", (3) в полном подборе. Случай, кажется, скоро представится.

Ваш Б. Пастернак

Не путаю ли я Вашего отчества? Мож. быть это важно при получении писем до востребования.

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ

6 апр. 1948 г.

Дорогая Елена Дмитриевна!

Это ответ на Ваше письмо и пакет с подстрочниками Кулиева. По подстрочникам ведь вообще ни о чем нельзя судить. Мне нравится все, Пери больше Кедрина, (4) но необыкновенными кажутся мне, нравятся по-настоящему и дают ощущение непроизвольно врывающейся извне и ложащейся на страницу жизни (то, чем должно быть искусство) два последних: "Над старой книгой горских песен" и "Охотникам, заблудившимся в ущельях". Кулиев молодец, что и говорить.

Он писал мне, я ему отвечаю, но сейчас я тороплюсь послать Вам обоим (мои "Избранные" книжки я пошлю Вам каждому врозь) только что вышедшего Петефи,(5) а также вкладываю в конверт для Вашего и его ознакомления стихи из романа в прозе,(6) о кот. я, кажется, Вам писал раньше.

Наверное, "Янош"(7) Вам не понравится, я его переводил слишком скоропалительно и сделал в меслц с чем-то, но среди лирики в моих и чужих переводах есть, по-моему, много трогательного.

Простите меня за лаконизм и торопливость тона, главное мое желание доставить Вам и Кайсыну радость этой книжкой (Кайсыну я между прочим пришлю роскошнейшего Пшавелу(8) не ради перевода моего, а всего издания, внешности, иллюстраций, хевсурского Кавказа и пр. и пр.).

Кроме того, я обрываю себя на полуслове из неуверенности в том, дойдет ли все это до Вас.

Известите меня о получении книги и письма.

Ваш Б. П.

Простите меня, в последний момент вдруг решил подписать Петефи одному К. Мне кажется, Вам это будет приятно, зато избранное будет Вам.

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ И К. КУЛИЕВУ

29 апр. 1948 г.

Дорогие Елена Дмитриевна и Кайсын!

Получил обе Ваши телеграммы, спасибо, но лучше бы Вы мне написали письмо. Не ждите от меня обещанного "Избранного". Несмотря на ошибочное объявление в газете об их выходе, давню готовую и однажды уже разрешенную книжку задержали и предположили издательству не выпускать. Сборника не будет.

У меня сейчас месяц-два свободных, и я поглощен работой над прозой, которую тороплюсь писать, потому что скоро опять придется заниматься проклятыми переводами (проклятый даже Фауст). Простите, что пишу второпях. Но я бы желал Вам хоть малой доли того чувства счастья и удовлетворения, которыми я полон все последнее время. Нет, правда, я не нахваляюсь на свое самочувствие и не могу настроиться серьезно, чтобы со вниманием отнестись к своим неудачам.

Ваш Б. Пастернак

Б. ОРЛОВУ(9)

9 ноября 1948 г.

Милый Борис Орлов (Вы мне не указали Вашего отчества).

Я виноват перед Вами. Я не ответил Вам, не сказал Вам тех нескольких теплых ободряющих слов, которые Вы заслужили. Но я все в неустанных и очень спешных трудах. То перевожу что

ниб. (сейчас, напр., 1-ю часть Гетеовского Фауста), то пишу свое, причем последнее без какой бы то ни было практической пользы. Кроме того - сложная кругом жизнь, многим очень трудно, на все это уходит время.

Вас напрасно так холодно отвалили Вера Инбер и Берггольц (как пишете Вы сами). У Вас, в особенности в нескольких коротких зимних стихах, много настроения и той истинной живописности, которые составляют душу художественного творчества, без чего она немыслима. Правда, это обобщенное творческое чувствование жизни, пусть местами и закреплённое на странице, может быть лишь предчувствием искусства, хотя и главным. На этой ступени дело обыкновенно не остается, оно должно быть двинуто дальше.

Что выводит наши опыты из стадии дилетантской приблизительности? В разное время оно бывает по-разному. То это (как во времена литературного упадка, предшествовавшего символистам) большее, нежели привычное, богатство словаря и превосходство художественной техники, то что-нибудь другое. В наше время именно эта техническая грамотность, это мастерство, выработанное символистами и нами, их продолжателями, именно эта грошовая, широко распространенная оснащенность составляет существенную часть и отличительный признак нынешней любительской неопределенности. Именно деятельность, остановившаяся на одном только впадении средствами современного выражения и хотя бы из недр своего мастерства (если больше неоткуда) не почерпнувшая вынуждена рвануться куда-то дальше, является нынешней формой бессилия и половинчатого дилетанства.

В наше время, как никогда, кажется мне, искусство есть прежде всего напряженное нетерпеливое, властное, предельно ясно себя сознающее и особое (одно для всех) мировоззрение, и с полдороги полудел и недоговоренностей, от неисчислимой бездны правых и неправых, тупых и способных на свободный простор действительного творчества может вывести только настойчивая определенность дорогой Вам, жизненно для Вас важной мысли.

Все эти вещи разрешены и установлены в теории лишь для такого круга явлений, которые по своей малости как раз не показательны для бесконечности, отличающей стихию творчества. И положение этой теории, терминологии ее и весь набор понятий, которыми орудует критика, все это тоже обладает силой лишь для художников самых слабых, робких и бледных, в чем опять - таки чрезвычайно мало радости.

Во Фрунзе ли еще Кулиев и Орловская? Пусть кто-нибудь из них сообщит мне открыткою о своих делах и здоровьях. В непродолжительном времени я пошлю для всех вас по адресу Елены Дмитриевны рукописи первой книги моего романа. Прилагаю несколько фотографических карточек для них (они как-то просили), я выхожу на фотографиях всегда очень плохо, пусть раздают двойники кому хотят.

От души всего Вам лучшего.

Ваш Б. Пастернак

25 нояб. 1948

Дорогой Кайсын!

Спасибо Вам за Ваше порывистое горячее письмо. Вы пользуетесь полной моею взаимностью. У меня есть мысли о Вас, которые я мог бы сейчас же сообщить Вам или записать для памяти, но у меня нет времени, и я их все равно не забуду. Или вот они в двух словах. Вы из тех немногих, которых природа создала, чтобы они были счастливыми, в любом положении, даже в горе. Тот, кто очень рано или при рождении получает от нее несколько, все равно каких, нравственных, душевных или физических наказов, но выраженных до конца и не оставляющих сомнения, тот в завидном положении вот почему. На примере самого себя (а это ведь очень удобно: каждый всегда под рукой у себя), на примере самого себя, на примере именно этих выступающих определенных качеств рано убеждается он, как хорошо и в мире все законченное, недвусмысленное, исправное и образцовое, и на всю жизнь пристращается к самоусовершенствованию и охватывается тягой к совершенству. Прирожденный талант конечно есть путь к будущей производительности и победе. Но не этим поразителен талант. Поразительно то, что прирожденный талант есть детская модель вселенной, заложенная с малых лет в ваше сердце, школьное учебное пособие для постижения мира изнутри с его лучшей и наиболее ошеломляющей стороны. Дарование учит чести и бесстрашию, потому что оно открывает, как сказочно много вносит честь в общедраматический замысел существования. Одаренный человек знает, как много выигрывает жизнь при полном и правильном освещении и как проигрывает в полутьме. Личная заинтересованность побуждает его быть гордым и стремиться к правде. Эта выгодная и счастливая позиция в жизни может быть и трагедией, это второстепенно. В Вас есть эта породистость струны или натянутой тетивы, и *это счастье*. Про это я Вам и хотел написать, но таких вещей не пишут, с кондачка и на фуфу, жалко, что я это скромкал. (10)

(Я просил дочь Марины Цветаевой (11) послать Вам и Елене Дмитриевне (как она и во Фрунзе ли?) рукопись романа из Рязани, где она живет, но она не хочет. Дело только откладывается, я Вам pošлю, когда освободится мой экземпляр. До этого не пишите мне (тяжело и неприятно не отвечать), потом напишете сразу.)

Ваш Б. Пастернак

(В романе будут странности, они никого не должны задевать. Намерения его широчайшие, он обоснование свободы в моем понимании).

28 нояб. 1948

Дорогая Елена Дмитриевна!

Я успел уже написать Кайсыну до получения Вашего письма и потому не смогу в точности исполнить Вашу просьбу. Я понимаю, насколько Вас, как близкого друга его, могут иногда огорчать обстоятельства, о кот. Вы пишете, но общих тревог Ваших не разделяю: все это бывает в жизни, через все это можно и надо пройти.

Спасибо Вам за Ваше большое письмо. Ни в чем Вы передо мною не виноваты и напрасно потратили столько времени и душевных сил на подобный разбор отдельных стихотворений, но одно место я произвольно подчеркнул. Ваше понимание "Чуда" (13) безошибочно и поражает точностью совпадения со вложенной в него мыслью: смоковница это именно придорожная действительность на пути мимоидущего времени, всегда одухотворенного будущим (но тут нет оглядки на себя и ничего авторского).

Роман я не смогу прислать так скоро, как предполагал, все это складывается по другому.

Еще раз большое, большое спасибо и от души всего лучшего Вам.

Ваш Б. П.

Я спешу Вам ответить, во избежание недоразумений там у Вас на месте, в самое неудобное для меня время, и оттого так отталкивающе немногословен: не относите этого, Боже избави, ни к Кайсыну, ни к себе.

К. КУЛИЕВУ

Дорогой Кайсын!

В тот день как пришло письмо от Вас и Е. Д., из Тбил. приехала приятельница моя, жена Тиц. Табидзе, она обедала у нас, я пробовал читать ей Вас вслух, но каждый раз слезы мешали мне, я протягивал ей листки с переводами Ел. Дмитр., она читала глазами и соглашалась с моим потрясенным восхищением. (12)

Все это очень, очень хорошо. Это не только выношено и выражено с большой покоряющей силой, это каждый раз изображение самой этой силы, хмурой, грустящей, плененной, это каждый раз ее новый образ в той или иной форме прометеевой скованности и неволи.

Ел. Дм. права, выделяя стихи, которые Вы написали в день Ваш. рождения и стихи, написанные мне, они хороши сверхъестественно, но я ставлю рядом и "Я хочу, чтобы было так", "Вечером, когда листья падают" и "Видя, как идет дождь".

Между прочим, несмотря на лучшие наши и Гетевские переводы персидской и арабской лирики, несмотря на Саади, Омар

Хайлма, и пр., на Ваших примерах я впервые в жизни понял, открыл, испытал на себе действие и природу этих газелеобразных возвращений и повторений, трагическую естественность и победоносность этой формы, так сказать роковой, заклятый ее ход. Все это очень крупно и бесподобно.

Но что же, кроме этих восторгов, Кайсын, сказать мне Вам утешительного?

Вот две вещи, хотя, может быть, они не утешат Вас.

На этой строчке я прервал вчера письмо, а сегодня мне самому так грустно, что сам я больше Вас нуждаюсь в утешении. Ну да все равно. Целую Вас и обнимаю. Сегодня 31 дек. С Новым годом Вас и Елену Дмитриевну. Что делать, что делать!

Ваш Б. И.

(Карандашная пометка, по-видимому, адресата: "Январь 1950").

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ

Дорогая Елена Дмитриевна!

Большое Вам спасибо за письмо Ваше и Кайсына и за вложенные стихотворения. Впечатление было необыкновенное, огромное и о нем подробнее в письме К. Первым побуждением было отвечать Вам тотчас же. Остановила отчасти поглощенность работами, главное же: невозможность рассказать важное и значащее. Об этом без всяких намеков и кавычек просто не принято говорить.

Но, по-видимому, жизнь прескачается только со смертью, а пока она длится, в ней совершается и располагается по достоинству как в молодости. Чувство не единственное ее содержание, но все остальное, немногочисленное, что она содержит, так же крупно, определенно и действительно, как оно.

Я оттого так быстро и легко перевел первую часть Фауста, что в это время и у меня в жизни все делалось как в Фаусте: я переводил его "кровью сердца" и очень болел за эту новую кровь как бы в числе прочего, повторившегося с нею по Фаусту, не повторилась с нею последняя сцена, как бы не попала она меж таких же стен. Осенью это случилось. Вот мое огорчение, вот горе мое. Если Вы ничего не поняли, то тем лучше. Вообще просто неприлично рассказывать о себе.

Не посылайте мне назад рукопись. Надеюсь, письмо мое застанет и Вас и К. на месте (вот о чем приходится уже мечтать), но если бы в будущем Вам пришлось уехать, считайте этот экземпляр своей собственностью.

Я теперь перед вероятной уймой новых переводных задач (среди них несколько поэм Петефи, шекспировский Макбет и 2-я часть Фауста). Месяца два-три с Бож. помощью напишу вторую книгу романа; пишу также стихи вроде тех. Удивило совпадение

слова: "снегопад" у меня и в Вашем переводе К. и сходство построения.

Кстати, Ваш перевод так лишен мишуры и прикрас, что может показаться почти пересказом оригинала, я не знаю, как велика Ваша близость или как велико стремление к благородной простоте, в обоих случаях честь Вам и слава, это очень большая Ваша заслуга. Я хотел было записать Вам от руки несколько новых стихотворений, но это как-нибудь в другой раз. К весне я хочу закончить роман и все вокруг него, если д. Б., доживу.

От души всего лучшего Вам.

Преданный Вам Б. П.

(Пометка адресата: "Январь 1950").

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ

20 мая 1950

Дорогая Елена Дмитриевна!

Простите, что не пишу Вам и не удовлетворил Вашего дозволенного и естественного любопытства. Не ищите за моими словами и тем стихотворением никаких символов, это все простые факты жизни, и если я сближал их с некоторыми положениями в Фаусте, например, со сценой Маргариты в тюрьме, то в том прямом смысле, что и одна моя бедная знакомая находится точно в таком же положении. Больше Вам ничего знать не надо и не надо ни о чем этом распространяться, потому что под пером эти материи искажаются до немыслимости и перестают быть самими собою.

Я хочу послать Кайсыну том только что вышедшего Гете. Это ему, но я пошлю его по Вашему адресу, потому что не знаю точного адреса Киргизского союза писателей, куда послать было бы еще разумнее, чтобы они видели, как я его ценю.

Наверное Вас и Кайсына так же, как это случилось со мной, удивят блеск и совершенство почти всех новых переводов. Под ними Вы и он найдете много имен бывших знакомцев (по союзу) необычайно выросших. Вот что делает непрерывная и напряженная трудовая тренировка, которой были лишены предшественники. Среди этих работ Фауст мой тонет и теряется больше, чем я мог предполагать. (15) По наивности и неведению (я не знал, что делают другие) я считал, что он отличается больше от обыкновенного уровня.

Мне бы хотелось, чтобы Вы и Кайсын сказали что-нибудь веское и дельное на эту несомненную тему, а не принялись разувирать меня, споря с очевидностью.

Всего Вам лучшего. Я рад, что Вы все там же. Спасибо за пересылку рукописи Цветаевой.

Ваш Б. Пастернак

Помните, Вы боялись переезда.

11 окт. 1951

Дорогая Елена Дмитриевна!

Спасибо за чудесные Ваши яблоки. Мы не только две недели лакомились ими, но, разложенные на блюда, они долго были ярким украшением комнаты. Но зачем Вы трудились, тратились, хлопотали? И я не заслужил этого. Я оставил без ответа последнюю Ваше письмо и Кайсына и пачку новых его стихов, которые были так же хороши, как всегда. У меня около года болели (да боли и не прошли совершенно) левая сторона спины и шеи, левое плечо и лопатка. Все это каким-то образом было связано с положением тела в сидячей позе за писанием и, ограничившись заказной работой, источником заработка, я воздерживался от излишнего засиживания за столом, не писал писем и не читал. Это что-то нервно-мышечное, но очень застарелое, укоренившееся, кроме того в этой части имеется глубоко сидящий, широко распространяющийся жировик, который я бы дал вырезать, если бы был уверен, что от этого станет лучше, а не хуже, потому что причина, наверное, не в нем и он - явление сопутствующее.

Не обращая внимания на боли, в конце зимы и весной очень резкие, я быстро и усидчиво переводил вторую часть Фауста, необозримое нагромождение странных, не всегда содержательных, иногда горячо и творчески, часто холодно-аллегорически написанных отрывков. Отделить во всех них живое, в этом утвердился и в этом, вынесенном за скобки органическом производителе, усмотреть связь этих, в большинстве бессвязных, фрагментов - было главной трудностью и задачей перевода и стало главным стилем его, которым он будет, повидимому отличаться и вызывать возражения и замечания редакторов и критики. В середине августа я сдал готовую работу в издательство. Теперь редакторы будут читать ее дольше, чем Гете сочинил Фауста, а я его переводил. (16) Но это, конечно, правильно. Все это пустяки, а главное редактора, издательства, учреждения и должностные лица.

С середины августа я полтора с чем-то месяца пропадал в саду и на огороде, за чем застал меня однажды Орлов, которого я верно разочаровал небрежностью моего перепачканного землей и полузастегнутого костюма, вялостью неинтересного разговора, полным незнанием современной литературы и холодным безучастием к ней.

Сейчас я переехал в город. Надо будет воспользоваться свободным перерывом и постараться закончить роман, Есть продолжение его, которого Вы, кажется, не знаете. Но многое, многое изменилось. Еще так недавно работы, усилия, замыслы, события жизни и случайности чередовались, что-то означая в своем движении и оставляя по себе какой-то след. Теперь же все идет у меня как сквозь сон, валясь в одну какую-то скучную груду и ничего не знача, - Фауст, Орлов, огород, современная

литература и я сам, все то время, что меня угнетает усиливался скованность и несвобода в плече и шее. В этом виноват не только мой возраст (а может быть и совсем не виноват), но так же и возраст и самих вещей, какая-то мера терпения, предел однообразия.

Оттого я и перестал писать Вам и К. Кулиеву, перестав слышать в себе что-либо, что могло бы быть Вам интересного, перестав ждать и желать нового все изнутри и изнутри, вместо новости действительной, которая пришла бы из внешней жизни.

Крепко целую Кайсына. Сердечный Вам привет и огромное спасибо. Не сердитесь на меня и о том же попросите К.К.

Ваш В. Пастернак

Орлов мне очень понравился, как и кое что из его работ. Не поймите меня превратно и не заключите из моей сказанной, сливающейся в одно пятно характеристики моих чувствований чего-нибудь пренебрежительного по отношению к кому бы то ни было.

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ

21 апр. 1952

Дорогая Елена Дмитриевна!

Опять Вы меня растрогали и смутили так сильно, что не подыскать слов. К чему столько хлопот? Зачем Вы беспокоились, тратились и затруднили такую тяжестью Вашу отзывчивую приятельницу? Спасибо за прекрасные яблоки, но чтобы это было в последний раз, прошу Вас.

Я также получил Ваше письмо. Вот что я скажу Вам вкратце. Сейчас я здоров, чувствую себя хорошо и хорошо зарабатываю сделанными переводами (глав. обр. Фаустом). Хочу воспользоваться этим и написать окончание романа. Вот это очень важно, потому что половина дела сделана и не годится бросать его на середине, а также потому еще, что если человек раз в жизни привлек внимание общества, он должен когда-нибудь это внимание чем-нибудь оправдать и объяснить, иначе это (пусть и не по его вине) некрасивое, неосуществленное притязание.

Вот отчего мне больно читать в Вашем письме о моем значении и скромности и пр. и пр. Когда человека печатают, когда он выступает и доводит до сознания слушателей и читателей свои мысли, когда, так сказать, его деятельность находится в действии, тогда нечего стыдиться аплодисментов, сочувственных отзывов и прочего, потому что тогда это не похвалы и восторги, а встречные волны поднятой творческой бури, усиливающие и расширяющие ее действие. Но навсегда или на время это сейчас не так; в разной степени и Вы и я и К. в одном положении. Когда с К. случилась его трагедия⁽¹⁷⁾ или когда после радости нескольких выступлений передо мной захлопнулась дверь, некоторое время эти огорчения были живым горем. Но время по

счастью притупляет эти чувства. Меня сейчас в литературе нет, как нет в ней и К., (18) и меня давно уже не интересует, справедливо ли это или несправедливо. Эта сторона моей судьбы не трогает меня и в моем сознании не существует. Я роман пишу, мысленно видя его напечатанной книгой; но когда именно его напечатают, через десять месяцев или через пятьдесят лет, мне неведомо и одинаково безразлично: промежуточные сроки для меня нулевого значения, их тоже не существует. (19)

Напрасно я вдавался в эти ненужные, да вероятно и ложные, тонкости. Таких вещей не надо касаться с кондачка, в той беглости, в какой только и позволительно писать письма. Есть люди, что-то сделавшие на своем веку, это сознающие и живущие своими заслугами. Говорю Вам искренне, никаких заслуг и сознания их у меня нет. Но каждый человек заслуживает не жалости, а со своей какой-то стороны достоин всегда зависти. Вот в чем мне можно позавидовать: что судьба щадит меня, дает мне жить, позволяет трудиться; что потребность отдыха и доводы, оправдывающие его, мне всегда, наверное, останутся чужды. Что задачи, которые я до самой смерти буду преследовать, всегда будут (по крайней мере в моем сознании) живыми. Но ведь я совсем не то хотел написать Вам, а вот что: что Вы - прелесть и что я горячо благодарю Вас за Вашу живую мысль обо мне и заботу.

И не считайте, пожалуйста, меня большим поэтом. Во-первых этого никогда не было, а затем Вы увидите, каким еще я взаправду буду. И наконец, - либо сами, либо через кого-нибудь крепко поцелуйте от меня К., как моего младшего брата.

Ваш Б. П.

К. КУЛИЕВУ И Е. Д. ОРЛОВСКОЙ

30 янв. 1953

Дорогие Кайсын и Елена Дмитриевна!

Получил сейчас телеграмму, подписанную "друзья", вероятно Вашу. Спасибо за пожелания. Верно, Вам сообщили из Москвы, что у меня в конце октября был инфаркт и я 2 1/2 месяца пролежал в больнице. Оттого и открытку пишу, а не закрытое письмо, мне еще нельзя. Очень тронут Вашей памятью. Судьба была очень мягка ко мне. И болезнь прошла без особых страданий, и Союз писателей без особых попыток тревожить его с моей стороны и со стороны Зинаиды Николаевны, (20) проявил много забот, которых я ничем не заслужил. На днях мы с ней собираемся в санаторий "Болшево" под Москвой.

Целую Вас обоих.

Б. П.

10 августа 1953

Дорогой мой Кайсын!

Спасибо за письмо. Я Вам отвечу коротко и второпях, потому что после инфаркта, который я перенес, незаконченные работы, которыми я занят, стали еще неотложнее и времени у меня еще меньше, чем прежде.

Не падайте духом, мужайтесь. Избавление придет обязательно, хотя я сам ждал, что оно наступит раньше. Но и для меня пока ничего не изменилось, и мое время не наступило еще, и я не знаю, доживу ли до него.

Я давно сказал Вам, что очень люблю и верю в Вас. Эта вера не прошла у меня. Я всем про Вас рассказываю. После Есенина я только в одном Павле Васильеве находил такие черты цельности, предназначения и отмеченности, как в Вас.

Я думаю, Вы давно уже пишете или могли бы писать по-русски так же хорошо, как на родном языке, или еще лучше. Подлинность, чистота и сила Ваших оригиналов доходила через все подстрочные воспроизведения и передачи, значит она лежала не в привычной, повседневной прелести и документации народно-речевого оборота, а перерастала их и коренилась в образном содержании сказанного.

Вот что я думаю о национальных литературах. Для того чтобы явление в какой-нибудь из них возбудило внимание и вызвало переводы, оно должно обладать новизной и важностью. Омар Хайяма или Рабиндраната Тагора, в которых мировая поэзия нуждалась и без которых была бы не так полна. То, что Рабиндранат давал переводить себя другим, а не сделал этого сам, превосходно владея английским, его добрал воля и совершенная случайность, легко могло бы быть наоборот. Тут нет ничего рокового, безусловного и неотменимого. Джозеф Конрад, лучший английский романист нового времени, мог бы изложить все им написанное по-польски, на языке своей родины, который он еще помнил. Но он провел свою жизнь моряка в Англии и писал на языке своей жизни, наверное казавшемся ему языком моря. Рильке, величайший новейший поэт Германии, признанный теперь величайшим европейским поэтом, много путешествовал, очень любил Россию, хорошо знал Скандинавию и долго жил в Париже, секретарствовал у скульптора Родена и связанный дружбой с писателями и художниками Франции. Последнюю, посмертную книгу стихов он написал по-французски. Вероятно ему казалось, что в мире немецкого выражения он прошел до конца, до последних отвлечений и обобщений, и не чувствовал возможности вернуться опять к начальным частностям, без которых не обходится художественное слово, а во французской поэзии он мог стать снова начинающим.

Я Вам так много пишу на эту тему для того, чтобы сказать, что между природным фактом вдруг зарождающегося произведения

на малораспространенном языке (явление большой личности) и пятьюдесятью национальными литературами, в одну и то же время искусственно возникающими и искусственно поддерживаемыми из политических соображений, к тому же еще может быть мнимых и ошибочных, огромное расстояние. Первое - самородное явление жизни, которое в сложной своей судьбе рано или поздно должно найти свое живое место среди всего остального живого в той или другой форме. Второе - насильственное порождение, вначале легкомысленное, беспочвенное и беспредметное, а потом трагически претерпевающее жестокие превращения всего надуманного и неестественного. Доверяйтесь самому светлому и сильному в себе, Кайсын, самому дальнбойному, не боясь расстояний и трудностей, куда оно Вас занесет, и не считаясь с распространенными представлениями, какими бы проверенными и неопровержимыми они не казались.

Месяца через два-три выйдет полный Фауст. Я Вам его pošлю, я хочу, чтобы Вы его весь прочитали. За исключением многих страниц скучных, вялых и ненужных, но всегда промежуточных, то есть таких, за которыми вскоре всегда следует что-нибудь стоящее, это произведение необыкновенное. Оно занимает совсем особое место в поэзии не по силе достигнутого только, а по единственности и необычайности действующей в нем и заложенной в него лирической стихии. Ее огнем Гете хотел озарить дальние и недоступные закоулки нашего существования иначе, чем это делает философия. Он заразил меня этой энергией, я увлекся передачей главным образом этой, действующей в трагедии силы. Это ново и в моей деятельности и в нашей поэзии, этого прежние переводы Фауста не передавали.

Я много хотел Вам сказать сегодня, Кайсын, и мог сделать это только очень скомканно и наверное неудачно. Но повторить в другой раз я этого не смогу.

В каких отношениях Вы с Еленой Дмитриевной, жива ли и здорова ли она и встречается ли Вы, - о, в жизни все бывает! Если она во Фрунзе и вы не в ссоре, то это письмо в каких-то частях также и ей. Она такой милый и такой талантливый человек, сердечный привет ей. Я был при смерти зимой прошлого года и вот, сл. Б., выжил. Целую Вас и ее.

Ваш Б. II.

Е. Д. ОРЛОВСКОЙ

4 янв. 1954

Дорогая Елена Дмитриевна!

Благодарю Вас за телеграмму. С Новым годом и Вас, и верю в близкое исполнение самых смелых Ваших, казавшихся прежде несбыточными, мечтаний.

У меня было очень немного экземпляров Фауста, когда я один послал Кайсину, и теперь ни одного не осталось. Но ведь

это слишком большая для стихотворного произведения и слишком путаная и сложная вещь, наверное, ни Кайсын, ни вы, ни кто бы то ни было из лучших моих друзей не в состоянии будут дочитать ее целиком до конца даже из преданности мне.

Я Вам или Кайсыну, кажется, летом писал, какой переворот (в состоянии здоровья после долгой прошлогодней болезни сердца и долгого лежания в больнице) произвела во мне во всем спешная напряженная и объемистая работа над переводом, который я подверг обширной переделке в корректуре, по собственному желанию и наперекор опасениям редакции, что я текст, ею одобренный и принятый, испорчу и задержу печатание книги. Эта работа возродила меня и ошастливила - с нее, с этих летних трудов пошли разные другие приятности, я сильно двинул вперед роман, написал много новых стихов и т.д и т.д.

Переработку Фауста я производил под поторапливание Гослитиздата в листах верстки; все сделанное, тысяч до двух новых стихов, написанных недели в три - в месяц, ушло на этих листах, у меня не было времени переписать новый текст для себя и не осталось ни следа от него. В разлуке с этой работой воображение мое разыгралось, я стал фантазировать насчет значения сделанного, и наверное часть того преувеличенного, что я чувствовал в те дни, попала в мою переписку, в том числе, вероятно, в письмо к Кайсыну.

Теперь раскрыв книгу, он не найдет в ней ничего из того, о чем я писал, как в том же положении оказался и я, когда на днях стал перелистывать вышедшую книгу. (21) Я не разочаровался во внешних качествах перевода: язык именно в той мере естественен, и стих плавен и певуч, как мне того хотелось. Но у меня в воспоминании осталось ощущение, будто прозрачностью и легкостью перевода я исправил грехи самого произведения, уменьшил гнетущую громоздкость целого, оживил мертвые и неподвижные страницы маскарада, космогонических рассуждений и прочих аллегорий, сгладил претящую нравственному чувству последовательность некоторых мест, вроде следования Вальпургиевой ночи и, что еще хуже, праздной, ученой, барской "Золотой свадьбы Титании" после душераздирающей, святой, земной и написанной с такой силой лирики и страсти драмы Маргариты, ее конца и казни! Но увы, все эти странности остались. Но ведь это Гете, скажете Вы, разве Вы брались его переделывать, и разве Вам это бы разрешили?

В том то и дело, что в момент, когда разбереженная гениальным гетевским Фаустом энергия моя кипела, я, не искажая текста, мог бы произвести над ним много превращений. Я бы мог, например, в предисловии или в комментарии, если бы мне дали их написать (а сколько раз я просил позволить мне написать их, но разве мыслимо мне, лицу не должностному и не обладающему никаким милицейским чином, браться за такие высокоидейные задачи!) я бы мог, говорю я, в предисловии или комментарии постараться разгадать для себя несколько дальше и свобод-

нее то, начало разгадывания чего дал в переводе, и тем самым и с другими, с читателями сделал бы несколько шагов вперед в сторону большей ясности темного и трудного произведения и его оправдания. Но разве можно ждать этого от нынешних бездарных авторов комментариев и предисловий, так охотно и увлеченно принимающих узаконенно бездарное направление нынешних требующихся предисловий и по нему идущих. (22) Елена Дмитриевна, Кайсын, как много я мог бы сделать, — пожалейте меня!

И все же я счастлив. У меня очень, очень хороший год, хотя время мое еще не настало. Я закончил черновой пересказ содержания романа и надеюсь кончить его к весне, я много работаю. Если Господь пошлет мне еще года три-четыре жизни, Вы обо мне еще услышите совсем по-другому и увидите совсем по-новому. Крепко Вас обоих, даже если Вы во вражде и не раскладываетесь, целую (если Вы в ссоре, то в два приема, порознь). Всего лучшего.

Ваш Б. П.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуемые письма Б.Л. Пастернака периода январь 1947 — январь 1954 гг. относятся ко времени интенсивной работы над романом "Доктор Живаго". Лишь одно из них — Кайсыну Кулиеву от 25 ноября 1948 г. было напечатано с кушурой в журнале "Вопросы литературы" в 1972 г.

1. Елена Дмитриевна Орловская — писательница-переводчица, жившая в Киргизии.
2. К. Ш. Кулиев — балкарский поэт. В настоящее время — народный поэт Кабардино-Балкарии, лауреат Гос. премии РСФСР им. М. Горького 1966 г., Гос. премии СССР 1974 г., и пр.
3. Б. Пастернак "Избранные стихотворения", М. "Сов. писатель", 1948.
4. Стихотворение К. Кулиева "Памяти Дмитрия Кедрина".
5. Шандор Петефи "Избранное", М. Гослитиздат, 1948.
6. "Доктор Живаго".
7. Повесть в стихах Ш. Петефи "Витязь Яном".
8. Важа Пшавела "Поэмы", М. Гослитиздат, 1947.
9. В. (Г.-?) Орлов — поэт.
10. При публикации этого письма ("Вопросы литературы" № 9, 1972) кушированы два последних абзаца.
11. А. С. Эфрон.
12. Переводы Е. Д. Орловской стихов К. Кулиева в центральной печати не публиковались.
13. № 20 из "Стихотворений Юрия Живаго" ("Он шел из Вифании в Ерусалим...").
14. Иоганн-Вольфганг Гёте "Избранные произведения" М. ГИХЛ, 1950.
15. Речь идет о первой части "Фауста".

16. Перевод Б. Пастернака был сдан в набор 31 марта 1953 г.
17. Имеется в виду выселение балкарцев в 1943 г. в Северный Казахстан. С помощью Н. С. Тихонова К. Кулиеву удалось получить разрешение перевезти своих ближайших родственников в Киргизию, во Фрунзенскую область.
18. После одиннадцатилетнего перерыва впервые стихи К. Кулиева были опубликованы К. Симоновым в "Новом мире" в 1955 г., а широко стали издаваться с 1957 года ("Горы", М. "Сов. писатель", 1957, и многие другие).
19. Роман "Доктор Живаго" был издан в 1957 г. в Италии.
20. З. П. Пастернак — жена поэта.
21. Гете "Фауст" М. ГИХЛ, 1953. Перевод Б. Пастернака. Вступительная статья и комментарии П. П. Вильмонта.
22. Ср. в письме Б. Пастернака В. Зайцеву: "Я послал Вашей дочери Фауста. Вот с каким сожалением и болью сопряжены у меня работы этого рода. Ни разу не позволили мне предпослать этим работам собственного предисловия. А может быть только для этого я переводил Гете, Шекспира. Что-то редкостное, неожиданное всегда открывалось при этом и как! Всегда тянуло это новое, выношенное живо и сжато сообщить! Но для... "работы мысли" у нас есть другие специалисты, наше дело только подбирать рифмы". Борис Зайцев "Далекое", 1965, стр. 125-126.

[СОДЕРЖАНИЕ московского издания первого номера журнала
"ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ"]

ОТ РЕДАКЦИИ

НОВАЯ СТУПЕНЬ

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Заявления академика А.Д. Сахарова от 27 января 1980 г.
Письмо Владимира Войновича [в газету "Известия".]
Письмо Р.Орловой-Копелевой [о выходе из КПСС]
Елена Боннер-Сахарова. Открытое письмо в защиту Андреса Сахарова.
Заявление Руфь Григорьевны Боннер.
Обмен телеграммами между Сахаровыми и Бёллями.
А.Сахаров, Лев Копелев - "Под огнем критики".
Заявление Л.З. Копелева.
Л.Копелев, Игорь Огурцов. "Тринадцать лет в тюрьме".
Михаил Гелфанд. Этого не должно быть [об аресте Т.Великановой]
Арест о.Димитрия Дудко [по стр. газеты "В свете Преображения".]
Открытое письмо Семена Липкина ["О выходе из Союза Писателей СССР".]
Открытое письмо Инны Лисицкой ["О выходе из Союза Писателей СССР".]
Борис Биргер. Открытое письмо Генриху Бёллю.

ПУБЛИЦИСТИКА

Максудов. Мы все "за".
Марк Новиков. "Что запряжено в новом законе о гражданстве СССР".

ДИСКУССИЯ

В.Я.Лакшин. В редакцию "Вестника РХД".
И.А. Сац. О статье Ф.Светова "Разделение".
Замечания редакции о статьях В.Лакшина и И.Саца.

ЛИСТАЯ РАЗНЫЕ ГАЗЕТЫ

По страницам газет будущего.

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ

Неизданные письма Б.Л. Пастернака.

о самиздатском журнале "поединок"

Первый номер "Поединка" верстался, редактировался и тиражировался в октябре-декабре 1979 года. Весь материал его был сосредоточен на юбилейной дате, которую официозные издания утаили (кроме "Правды" и журнала "Коммунист"), но самиздат отметил многими интересными публикациями. Если статья в "Правде", посвященная 100-летию годовщине рождения Сталина, представляла собою как бы полуапафему-полуиндугенцию, то все материалы и документы "Поединка" были не объяснением, не комментированием, а показом, они отражали восприятие и освещение самой мрачной фигуры в истории народа на разных этапах общественного сознания послереволюционной эпохи, с разных позиций и на разных уровнях советской иерархии. В частности, в номер включены и речь С.М. Кирова — сплюснутые дифирамбы его будущему убийце, и повесть В. Набокова "Истребление тиранов", и широко известные в свое время стихи и песни о Сталине (М. Исаковского и пр.), и "Реквием" А.Ахматовой.

Рассчитанный на массового читателя, не имеющего доступа к самиздату, журнал составляется в основном из материалов, известных в самиздате или в зарубежных изданиях, а также документов, недоступных рядовому советскому человеку (конвенции, пакты о правах) с некоторыми добавлениями из давней советской периодики. Исключения составляют также, например, материалы, как записки одного участника строительства БАМа, которые нигде не появились до их публикации в "Поединке" (№ 6).

Следующие два номера посвящены темам: Права человека; Вторая мировая война. 4 и 5 номера не вышли к читателю: редакция подверглась разгрому, последовала серия обысков. В январе 1981 г. редколлегия отмечала в своем заявлении, что "все материалы, подготовленные к публикации в 4-м, 5-м номерах, были конфискованы". В этом заявлении редакторы "Поединка" заверили читателей, что издание журнала будет продолжаться.

6-й номер, только что вышедший, посвящен проблемам труда, рабочего и профсоюзного движения. В этом номере воспроизведено "Открытое письмо" из Таганской тюрьмы участников подготовки всероссийского рабочего съезда (июль 1918 г.), которое ранее было опубликовано в "Понсеках", с типографской листовки-оригинала 1918 года.

В связи с продолжением преследований, редколлегия "Поединка" обратилась к отечественной и зарубежной общественности с новым заявлением:

"2-го апреля 1981 года ст. следователем Московского УКГБ Половым был произведен обыск на работе и дома у Михаила Иконникова — члена редколлегии журнала "Поединок". После обыска Иконников был допрошен в УКГБ тем же Половым.

В связи с расследованием какого уголовного дела были проведены обыски и проведен допрос Иконникова, объяснено не было.

На следующий день, 3-го апреля, в следственный отдел Московского управления КГБ вызывались члены редколлегии Ирина Алексеенко и Владимир Быков, которых допрашивали об их знакомом Михаиле Иконникове.

Все изложенное вызывает у нас серьезную озабоченность за судьбу журнала "Поединок", и мы опасаемся, что власти намерены начать расправу над членами редакции свободного неподцензурного литературного журнала.

У нас свежи в памяти те преследования, которым были подвергнуты члены редакции Московского свободного журнала "Поиски", и мы обращаемся к международной и отечественной общественности с призывом — не допустить репрессий против независимого литературного журнала "Поединок", не позволить КГБ в очередной раз тюрьмами, лагерями и принудительной эмиграцией заставить замолчать вольное слово, убить свободную мысль.

*ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ: Е. ОСИПОВА, М. ИКОННИКОВ, Ю. ДЕНИСОВ,
Н. ДЕНИСОВА, В. БЫКОВ, В. ЛЕПЕЛЕВ, И. АЛЕКСЕЕНКО.*

6 апреля 1981 года.

P.S. 14 апреля у М. Иконникова и Ю. Денисова опять были обыски. В тот же день обыски проводились еще в трех квартирах и был арестован Всеволод Кувакин.

ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ

московский общественно-
литературный журнал

май 1980 № 2 (х)

ПОЛИТИКА И СПОРТ В СССР

"ЗА РОДИНУ, ...ВАШУ МАТЬ!

ЗА СТАЛИНА, ...ВАШУ МАТЬ!" – ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ
Г. ПОМЕРАНЦА.

РОССИЯ – СТРАНА ХЛЕБНАЯ

ПОЧЕМУ В СССР ПЕЧАТАЮТ Ю. ТРИФОНОВА

размышления на пороге коммунизма

(печатается с сокращениями)

*"Ну, а если к сроку не построишь,
Чем же вы народ-то успокоите?"*

Из песни известного барда 1965 г.

В 1980 году истекает срок построения коммунизма, торжественно провозглашенный Программой партии на XXII съезде:²

"В ближайшее десятилетие (1961-1970 годы) Советский Союз, создавая материально-техническую базу коммунизма, превзойдет по производству продукции на душу населения наиболее мощную и богатую страну капитализма - США; ...В итоге второго десятилетия (1971-1980 гды) будет создана материально-техническая база коммунизма, обеспечивающая изобилие материальных и культурных благ для всего населения; советское общество вплотную подойдет к осуществлению принципа распределения по потребностям, произойдет постепенный переход к единой общенародной собственности. Таким образом, в СССР будет в основном построено коммунистическое общество".

Не сомневаюсь, что читателя вряд ли слишком волнует соотношение валового национального продукта СССР и США. Ну, не перегнали еще, потом перегоним. А вот от обеспечения материальными благами, особенно в виде мясо-молочных продуктов, мало кто в СССР отказался бы, особенно жители провинции, с удивлением наблюдающие, как в год торжественного прихода коммунизма вслед за мясом начинают пропадать сливочное масло, сыр и многие другие продукты.

Но хорошее снабжение - отнюдь не единственная примета коммунизма, обещанная в "Программе":

"В итоге второго десятилетия каждая семья, включая семьи молодоженов, будет иметь благоустроенную квартиру, соответствующую требованиям гигиены и культурного быта".

Читателям виднее, насколько выполнено это заманчивое обещание. А вот и еще:

²Цитаты здесь и далее по "Программе Коммунистической партии Советского Союза". Госполитиздат. 1962.

"Пользование коммунальным транспортом (трамвай, автобус, троллейбус, метро) во втором десятилетии станет бесплатным, а в конце его станут бесплатными коммунальные услуги: пользование водой, газом, отоплением."

Но и это не все:

"В течение предстоящих 10 лет осуществится переход на шестичасовой рабочий день — при одном выходном дне в неделю, или 35-часовую рабочую неделю — при двух выходных днях..."

И, конечно, очень многое окажется бесплатным:

- бесплатное содержание детей в детских учреждениях и школах-интернатах (по желанию родителей);
- материальное обеспечение нетрудоспособных;
- бесплатное образование во всех учебных заведениях;
- бесплатное медицинское обслуживание всех граждан, включая обеспечение медикаментами и санаторное лечение больных;
- бесплатное пользование квартирами, а также коммунальными услугами;
- бесплатное пользование коммунальным транспортом;
- бесплатное пользование некоторыми видами бытового обслуживания;
- последовательное снижение платы и частично бесплатное пользование домами отдыха, пансионатами, туристскими базами, спортивными сооружениями;
- все более широкое обеспечение населения пособиями, льготами и стипендиями (пособия одиночкам и многодетным матерям, стипендии студентам);
- постепенный переход к бесплатному общественному питанию (обеда) на предприятиях, в учреждениях и для занятых в производстве колхозников.

Так что же — обрушатся все эти замечательные блага 31 декабря 1980 года на смиренно ожидающее население? Или не обрушатся, и руководство молчаливо признает, что не все обещанное так уж существенно для окончательного и торжественного построения коммунизма. Ведь признало же свою неспособность добровольно отойти от кормила власти, несмотря ни на какие "Программы" и "Ленинские принципы". И коммунизм так же легко может обойтись без продуктов питания, как обходится он без "систематического обновления":

"...систематическое обновление в определенных пропорциях состава всех выборных органов партии — от первичных организаций до Центрального Комитета, обеспечивая при этом преемственность руководства.

На каждых очередных выборах состав Центрального Комитета КПСС и его Президиума обновляется не менее чем на одну четвертую часть. Члены Президиу-

ма могут избираться, как правило, не более чем на три созыва подряд..."

Нет, не появятся, конечно, как манна небесная, бесплатные школьные завтраки, проездные билеты и отдельные квартиры, продукты без очередей. Что будет? Ничего не будет. Как совершенно точно ответил на свой риторический вопрос процитированный в эпиграфе поэт:

"Как привыкли драть шерсть,
Так и будем шерсть драть.
Цифры переставятся, только и всего".

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

выступление Л.С.Понтрягина на сессии академии наук в марте 1980 г.

Академик Понтрягин посвятил большую часть своего выступления энергичным нападкам на председателя РИСО* АН СССР тов. Лихтенштейна, обвиняя его в том, что журнал КВАНТ, несмотря на запрещения, подтвержденные Президиумом АН СССР, продолжает печатать задачи по высшей математике. Когда председательствовавший академик Александров заметил, что положенные по регламенту 10 минут истекли, Понтрягин возразил, что и сам председатель превысил регламент в своем выступлении, и он позволит себе сделать тоже самое. После этого Понтрягин перешел ко второму вопросу: засилью сионистов в советской математике***. Он сказал, что на Западе пишут о заметном уменьшении числа евреев, занимающихся в СССР математикой, сокращении числа ученых и количества опубликованных статей. При этом упускается из виду, что существенно не количество, а качество работ. Что же касается самой информации, то она поставляется на Запад определенными кругами из СССР, и в частности, к этому имел отношение академик Сахаров.

Отвечая Понтрягину академик Александров заметил, что РИСО, и в частности Лихтенштейн, не имеют никакого отношения к изданию журнала КВАНТ, а что касается второго вопроса, то он поднимается Понтрягиным не впервые и переубедить его невозможно.

*Редакционно-издательский совет.

***Борьба с РИСО и борьба с сионизмом — основные направления деятельности Л.С. Понтрягина в последние годы. Об этом он замечательно рассказал в "Кратком жизнеописании Л.С. Понтрягина, составленном им самим". Успехи математических наук, 1978 г. ноябрь-декабрь т. XXIII вып. 6.

К сожалению, цензура не пропустила статью в ее первоначальном виде, "Успехи" были задержаны на несколько месяцев, факт беспрецедентный для этого журнала, и статья вышла в изуродованном цензурой виде. Но и этого, правда, оказалось достаточно, чтобы проф. Н. Джекобсон подал на Л. С. Понтрягина в суд за оскорбление.

Это было единственное упоминание имени академика А.Д.Сахарова на сессии АН СССР. Не откликнулись академики и на телеграмму А. Д. Сахарова с просьбой обсудить вопрос о его отстранении от участия в сессии. Они предпочли не поднимать шума. Характерно, однако, что при выборах нового Президиума АН СССР академик Пильгунов получил на 40 голосов меньше чем другие (Среднее число черных шаров было примерно 15 из 180). Пильгунов на предводительском заседании Президиума пытался поставить вопрос о пребывании Сахарова в академии, и повышенное число недоброжелателей вызвано вероятно этой инициативой.

почем нынче 30 серебряников?

2 февраля 1977 г. в "Литературной газете" была напечатана большая статья "Лжецы и фарисеи" — "Письмо в редакцию "Литературной газеты", подписанное — Александр Петров (Агатов), бывший член Союза писателей.

В статье автор разоблачает диссидентов, обвиняет их в продажности, клевете, валютных операциях. Двойная фамилия и указание на бывшее членство в ССП — попытка укрепления с помощью печати упорно распространяемой самим автором легенды, что он никакой не Петров, и даже не Петров-Агатов, а просто Агатов, автор знаменитой песни "Темная ночь", вовсе не покинувший в лагере, а ловко переменивший фамилию.

Осенью 1979 года печально-известный своими статьями-доносами Петров (Агатов) получил наконец свое заслуженное вознаграждение. Он трудоустроен в газете "Лесная промышленность" на специально введенную для этой цели должность очеркиста с окладом 160 рублей.

Своим новым коллегам Петров (Агатов) продемонстрировал все ту же свою статью, но в переводе на десятки языков народов СССР и стран народной демократии, а также фальшивый билет члена ССП, выданный ему за верную службу высокими покровителями. В действительности, насколько известно, в Союз писателей Петров (Агатов) не был принят (или, как он предпочел бы выразиться — восстановлен). И это не удивительно, потому что живы еще несколько довоенных друзей Агатова, и им было бы неудобно находиться в одной организации с человеком, которого они считают самозванцем. Впрочем, дело, конечно, не в этих моральных тонкостях, очень понадобилось бы — сделали бы Петрова и членом ССП, и кем угодно. Но не очень хотелось. Не велика фигура, походит и с фальшивым удостоверением в кармане. А вот квартиру к Новому году Петров (Агатов) получил не поддельную, а самую настоящую. Не от газеты, там он слишком мало работает, и не от райсовета, у него и по прежнему месту

жительства достаточная площадь, а прямо оттуда - с Лубянки. И тут уж не скажешь, что всемогущая организация не заботится о своих сотрудниках или не вознаграждает искреннее раскаяние. Заботится и вознаграждает.

политика в спорте или расовая дискриминация?

В самом конце декабря 1979 года в Тбилиси закончился 39-й чемпионат СССР по шахматам среди женщин (высшая лига). Первое место завоевала Ирина Левитина, оторвавшись на очко от трех ближайших претенденток: чемпионки мира М. Чибурдашвили, экс-чемпионки Н. Гаприндашвили и одной из претенденток этого отборочного цикла Н. Александрии. Это блестящий успех И. Левитиной и, к сожалению, он наводит на грустные размышления. Ведь И. Левитина, продемонстрировавшая, что она является одной из сильнейших шахматисток страны, не участвует в борьбе за мировую корону. Как чемпионка СССР 1978 года (она разделила это звание с Л. Семеновой) Левитина имела право на участие в межзональных отборочных турнирах в Бразилии и Испании, однако участия в них не приняла и тем самым выпала из отборочных соревнований. Но почему? Может быть, нашлись более достойные кандидаты? Победителями турнира стали, как известно, четыре советские шахматистки: Н. Александрия, Е. Ахмыловская, Н. Иоселиани, Н. Гуриели. Кроме того, в межзональных турнирах принимали участие, но не вышли в турнир претенденток М. Литинская и Е. Фаталибескова. Все эти шесть безусловно талантливых шахматисток на первенствах СССР 1978 и 1979 годов показали худшие результаты, чем И. Левитина. Близость сроков проведения межзональных турниров и первенства СССР 1979 года не позволяют говорить о плохой форме или тяжелой болезни. И. Левитиной, не позволившим ей принять участие в главных соревнованиях года. Да таких утверждений и не делалось в советской печати.

Почему же все таки шахматистка, если и не сильнейшая в СССР, то по крайней мере наиболее заслужившая право бороться за звание чемпионки мира, неожиданно оказалась вне игры? Ответ на этот вопрос заинтересованному читателю дает, повидимому, фотография чемпионки СССР, опубликованная в специальном бюллетене Федерации шахмат Грузии № 7 от 30 декабря 1979 года. Темные, слегка выющиеся волосы, карие, немного выпуклые глаза, полные губы - типично еврейское лицо. Это начало отгадки. Правда, как известно, сегодня не всем шахматисткам этой так называемой национальности запрещено участие в зарубежных турнирах. Но не так давно из отборочного турнира претенденток 1975 года тихо и незаметно выбыла талантливая шахматистка Алла Кушнир. Как выяснилось, ее неучастие было платой за выезд из СССР в Израиль. Уехав, Алла боролась в следующем отборочном цикле, продемонстрировав незаурядную силу

и уступив только нынешней чемпионке мира М.Чибурданидзе. Совершенно очевидно, что в соревнованиях 1975 года, когда юная М. Чибурданидзе играла еще не в полную нынешнюю силу, А.Кушнир имела все шансы сразиться за звание чемпионки мира с Н. Гаприндашвили. Но она "добровольно" самоустранилась.

Сейчас руководители советского спорта проделали тот же прием с новой претенденткой И. Левитиной. Говорят, что речь идет в данном случае о заметно меньшем преступлении, чем у Аллы Кушнир. Левитина не уезжает из страны, но у нее уехал брат и, оказывается, этого достаточно, чтобы исключить шахматистку из отборочных международных соревнований. Повидимому, уже недалек тот день, когда не только братья, но и другие родственники: дедушки, прадедушки и более далекие предки будут рассматриваться при комплектовании международных турниров. Тогда, наконец, в борьбе за мировую корону примут участие только расово полноценные шахматисты, никогда не находившиеся вне границ нашей великой родины.

Такую позицию советских политиков еще как-то можно понять. Более загадочно молчаливое согласие ФИДЕ с этими проходящими на глазах у всего мира расистскими комбинациями. А ведь именно ФИДЕ отвечает за честное проведение международных соревнований и должно обеспечить всем спортсменам равные возможности в борьбе за мировое первенство.

ВОЗВРАТИТЬ В ОБЩИЙ ФОНД

Советские библиотеки систематически получают предписания об изъятии книг новых и новых авторов. Уехавшие из страны, печатающиеся на Западе, участники альманаха "Метрополь", подписавшие то или иное письмо - рано или поздно пополняют этот список. Политические перемены - разоблачение культа или разрыв с Китаем - сразу же приводит к новым многочисленным запрещениям.

Намного реже приходят указания о восстановлении книг в фонде. Сравнительно недавно подвергся посмертной реабилитации некогда неудачно "примкнувший" Д. Т. Шепилов. Разрешено вернуть его брошюры: "Социалистическая собственность - основа колхозного строя", "Советский патриотизм", "Речь на XX-м съезде", "Идеи Ленина озаряют путь к коммунизму", "Ленинизм - победоносное знамя" и еще несколько других.

Пришло предписание о возврате нескольких работ И.В. Сталина, в том числе - "О характере экономических законов социализма".

ПУБЛИЦИСТИКА

Г. ПОМЕРАНЦ

из книги "Сны земли"

иосиф в египте

[В связи с предстоящим выходом в свет полного текста книги Г. Померанца "Сны Земли" в издательстве "Понски", отрывок из нее опущен.]

N.N.

запретная аналогия

[печатается с небольшими сокращениями]

Один из основных методов исторической науки и наиболее распространенный способ исторического мышления - метод аналогии. Осмысляя свое бытие, мы ищем параллели в прошлом своего народа и его соседей. И есть среди них одна, вызывающая бурную реакцию. Это - параллель с гитлеризмом. Милиционеры, до того обходившиеся мокрыми полотенцами, услышав о ней, начинают бить сапогами в живот, а следователи КГБ переоформляют своего подопечного со 190-й статьи УК (3 года) на 70-ю (10 лет). Люди же, сталкивавшиеся с фашизмом непосредственно, - фронтовики - обычно отмалчиваются, а по пьяной лавочке вспоминают немок, изнасилованных в церквях, колонны беженцев в Восточной Пруссии, раздавленные нашими танками, и посаженных на кол немецких пулеметчиков.

И вот что любопытно: даже в кругах как будто независимо мыслящих людей ее тщательно обходят стороной. И происходит это не из-за разумной осторожности, а скорее из интеллектуальной трусости. Обнаженность чудовищности гитлеризма перед всем миром такова, что аналогия с ним мгновенно вытаскивает нас из норки тихого мещанина - порой мы с этим готовы примириться - и грозит поместить на одну скамью с подсудимыми на Нюрнбергском процессе. А с этим мы согласиться не хотим. Поэтому, даже не зная, к каким открытиям эта параллель нас приводит, мы на всякий случай отказываемся ее исследовать.

Я не историк и не сторонник исторических аналогий. Слишком часто они оказываются грубы и, вместо того, чтобы выявить, маскируют уникальность исторической эпохи. Но позорное уклонение от сопоставления социализма с фашизмом обязывает. Я не надеюсь в сколько-нибудь значительной мере воспол-

нить этот пробел, но сравнить некоторые аспекты этих явлений представляется существенным.

Но прежде нужно сделать одну оговорку. 12-летний период в истории одной национальной структуры сравнивается с 60-летним - другой. Сравнение по *степени концентрации власти*, то есть сосредоточения в одних руках законодательных, исполнительных, юридических, духовных и экономических функций показывает, что гитлеризм в целом сравним только с 8-летним периодом в СССР, с 1922 по 1930 гг., то есть с НЭП'ом, когда правительство осуществляло лишь руководство экономикой, не всецело ему принадлежавшей.

Агрессивность режимов. С 1933 по 1944 г. Германия оккупировала (без территории СССР) 12 государств полностью и 2 частично*. СССР оккупировал с 1918 по 1946 гг. - (не считая территории Германии) 16 государств и 5 крупных территориальных подразделений**. Таким образом, с поправкой на время, гитлеровский режим оказался в 1,6 раза более агрессивным, нежели советский.

Критерий изолированности структуры. Гитлер ограничил эмиграции практически через год после захвата власти, а Советский Союз пресек ее почти полностью через три года после стабилизации режима, то есть окончания гражданской войны.

Количественные оценки возможны при сравнении *человеческих потерь*. Потери СССР в результате внутренней политики советской власти с 1921 по 1958 г. - около 17 млн. человек, или 12,5% от исходного в конце гражданской войны. Потери *населения* Германии от "политических мероприятий национал-социализма" оказываются равными 200 тыс. человек, или 0,04%. Военные потери Германии, считая и мирное население, составляют 7 млн. или 10% от 1939 г., СССР - 17,5 млн. или 9,2%

Мера национальной терпимости. В III Рейхе по национальному признаку преследовались два народа - евреи и цыгане. В Германии и оккупированных ею странах было уничтожено 6 млн. евреев. В СССР официально преследовались поляки (в 1939 г.), немцы Поволжья (1941), чечены, ингуши, кабардинцы, балкары, калмыки и крымские татары, (1944-1946). Общая численность потерь этих народов в результате депортаций - около 1,5 млн. (без поляков).

*Австрия, Чехословакия, Польша, Бельгия, Голландия, Люксембург, Франция, Болгария, Югославия, Греция, Норвегия, Дания; Саарская область и Сев. Италия.

**Украина, Закавказская республика, Дальневосточная республика, Харахорум, Вухара, Хива, Монголия, Литва, Латвия, Эстония, Тува, Польша, Чехословакия, Румыния, Болгария, Венгрия; Бессарабия, Карелия, Сев. Корея, Вост. Пруссия, Куршлы.

Значительно большее сходство обнаруживается в *политической жизни*.²² В обеих странах монолитность руководства обеспечивалась негосударственной организацией - партией, связанной жесткой дисциплиной и проникающей во все сферы государственной структуры. Догматические крайности принципиально различных идеологий - националистической и интернационалистической - были преодолены, частью путем уничтожения догматиков; мадьяры и японцы были объявлены арийцами, а Россия - родиной всех научных открытий. В конце войны некоторое количество евреев было, если можно так выразиться, продано Германией за границу в обмен на крупные партии медикаментов (сделки совершались через международный Красный Крест, их инициатором считают Эйхмана)²³. Наряду с этим Советский Союз с 1970 г. выпускает на Запад представителей этой национальности в обмен на кредиты и торговые льготы.

О сходстве т.н. фашистского и советского искусств уже писалось не раз. Кое-что общее появилось и в языках - немецкое "muselman" - обозначение крайней степени истощения в лагере - точно переводится одним словом только на русский язык - "доходяга".

Таким образом, даже более чем беглый обзор показывает следующее. Хотя по ряду фундаментальных признаков СССР и III Рейх могут быть совместно отделены от западных демократий, различия между ними достаточно существенны. Однако при переходе к политическим и особенно идеологическим аспектам жизни сходство возрастает. Остается сделать подсказываемое многими художественными исследованиями и жизненными наблюдениями предположение: результат, конечный продукт структур, настоящий ариец с нордическим характером и простой советский человек обладают сходством, приближающимся к тождеству. Косвенно это подтверждает и советская пропаганда - последовательным отказом рассмотрения фашизма в социально-психологическом разрезе. Отчасти это тождество может быть связано с включением обоих не в социальную, а в государственную, машинную структуру - как ее детали они лишены моральной ответственности за свои действия в ее рамках. Разговоры, которые случалось вести с немцами офицерам оккупационных армий в 1945-46 гг. текстуально совпадают с теми, что велись - и ведутся - в Советском Союзе с 1956 года. Все то же - "Мы не знали, мы верили... А что поделаешь, а в других странах разве не было..."

²²Главное, что поразило русских при столкновении с гитлеризмом, это рациональная организация преступлений. Однако существование одних только спецсихбольниц уже лишает гитлеризм этого сомнительного преимущества.

²³Во времена аншлюса под давлением мировой общественности из III Рейха выпускались евреи только в индивидуальном порядке.

Верно, в других странах в другие и наши времена все бывало. Это лишнее подтверждение того, что ни фашизм, ни социализм неизобретательны даже в сфере зла. Однако они сумели довести его до такой высокой концентрации, что образуют тупик в развитии человечества, из которого еще ни одна нация не выбралась самостоятельно.

Как бы ни был страшен для нас такой вывод, его возможность должно принять и рассмотреть: без трезвого нелицеприятного взгляда на самого себя, затягивая на себе петлю самобмана, рискуешь не только личным нравственным самоуничтожением, но и национальным самоубийством.

ЭКОНОМИКА

МАКСУДОВ

хлеб, погода и академик васхнил

Беседа читателя с президентом ВАСХНИЛ академиком Павлом Павловичем Лобановым, знаменитым соратником Трофима Денисовича Лысенко, председателем сессии ВАСХНИЛ 1948 г., заместителем министра сельского хозяйства в послевоенные годы.

Академик П.П. Лобанов 23. 2. - 1977 г. дал интервью корреспонденту "Литературной газеты".* Отметив любовь нашего народа к хлебу, внимание партии к сельскому хозяйству и рекордный урожай 1976 г., академик подробно рассказал, какие прекрасные природные условия существуют для зернового хозяйства в США.

Верно, конечно, что США располагают по сравнению с другими странами значительными природными преимуществами. В "кукурузном поясе" и в районе Великих равнин - от Огайо на востоке и до Скалистых гор на западе, от канадской границы на севере и до мексиканского плато на юге - раскинулась самая большая в мире площадь с плодородной почвой, благоприятными климатическими условиями, достаточным уровнем осадков и рельефов местности, позволяющим обеспечить высокую степень механизации всех сельскохозяйственных работ. Верно также, что по комплексу почвенно-климатических условий, качеству почв, сумме активных температур, сумме осадков, длине вегетационного периода и т.д. наша страна находится в менее благоприятных условиях. Самая северная граница сельскохозяйственных районов США (за исключени-

*Цитаты мелким шрифтом даются по тексту этого интервью. Таблицы составлены на основе следующих источников: справочники "Мир капитализма", М., 1965; "Внешняя торговля СССР 1918-1966", М., 1967; "СССР в цифрах", 1959, 1960, 1961, 1964, 1965; ежегодники "Народное хозяйство СССР", 1958, 1967, 1971, 1974; справочник "СССР - США, цифры и факты", М., 1962; "Социалистическое строительство СССР", М., 1935; "Ежегодник СЭВ", М., 1976; "Соревнование двух систем", М., 1973; "Народное хозяйство в 1922-1972 г.г.", 1972.

ем Аляски) проходит примерно на широте Киева, Воронежа и Волгограда. Все районы севернее этой линии в нашей стране имеют уже меньше тепла, чем самая северная ферма в США. В США свыше 60% пашни находится в зонах, где выпадает 700 мм осадков, а в СССР — только 1,1%.

Это тщательное описание североамериканских просторов должно, по-видимому, объяснить читателям, почему в США такие высокие и устойчивые урожаи.

Павел Павлович, а как обстояло дело с плодородием почв до революции?

"Еще удивительнее природные условия России в отношении сельскохозяйственного промысла. Великая равнина — гладкая скатерть, точно постланная для земледельческой обработки. Через южную половину великой равнины от Карпатских гор и до реки Енисей тянется бесконечная полоса благодатного чернозема. Ширину полосы доходит до 1000 верст; ее площадь — 100 миллионов кв. десятин в Европейской, 50 миллионов десятин в Азиатской России. На всем земном шаре только азиатский лёсс по почвенным богатствам превосходит русский чернозем".²²

Эти слова, конечно, не принадлежат президенту ВАСХНИЛ. Так вообще не может сказать советский человек наших дней, когда недостижимым эталоном качества везде и во всем выступают Соединенные Штаты. Так писал русский ученый химик и экономист Д. И. Менделеев ("К познанию России", 1907 г.).

"Россия величайшая житница мира — вторит ему профессор Бунаков. — По количеству урожая она уступает США (за 1909—13 гг. в среднем 75.4 млн. т., США — 108.1 млн. т.). По количеству хлеба, которое она вывозит в другие страны, она идет далеко вперед всех (1903—13 гг. Россия — 10.7 млн. т. в год, США — 4,1 млн. т.)".²³

²²Интересно, как вышло с плодородием китайского лёсса? Не так же ли, как с русским черноземом? Известно только, что с начала 60-х годов Китай так же как и СССР превратился из экспортера в импортера зерна. То же с Азией после ухода француз. (Перспективы производства и потребления сельскохозяйственных товаров на 1975—85 гг. "Прогноз ФАО" РИМ, 1967 г.)

²³Не следует забывать, что Россия была бюрократическая страна, с неразвитым внутренним рынком и плохим транспортом. Неурожаи приводили к голоду в одних губерниях, при перепроизводстве и вывозе за рубеж из других губерний. Помощь голодающим была делом частной благотворительности, нередко вопреки воле правительства. "У меня нет голодающих, есть только пострадавшие от неурожая". — сказал Александр III в 1891 г. И, если дореволюционный уровень с/х производства и потребления

До революции на Россию приходилась треть мирового экспорта зерна. Особенно высоким был урожай 1913 г. Было собрано 86 млн. т. зерна, в том числе 26.3 млн. т. пшеницы. (США - 99 млн. т. зерна, 18.6 млн. т. пшеницы.)

Урожайность этого года неплохо смотрится и на фоне американских "достижений" в последующие 30 лет. (табл. 1.)

А пока Америка топталась на уровне дореволюционной России, сама Россия училась ценить хлеб. Не землю, не свободу, а просто кусок хлеба.

Великая Октябрьская социалистическая революция, свершенная рабочими и крестьянами под руководством ленинской партии и великого Ленина, неотделима от хлеба.

Гражданская война, разруха, развал транспорта, болезни, апатия населения, продразверстка и изъятие излишков - полностью подрывали сельскохозяйственное производство. Посевные площади в 1921 были вдвое меньше, чем в 1913 г. Это однако не спасало от продовольственных отрядов.

"Было ясно, что без реального нажима деревня не намерена поделиться куском хлеба", - пишет из Саратовской губернии известный чекист Ладис ("Правда", 2.XI.-1920.).

И случилось неизбежное.

"Правильный расчет крестьян этих местностей (Новожила), подверженных столь ужасным засухам, иметь хлеб на прокорм и засев не менее как на два, а то и на три года, нарушен нашим временем и результаты налицо: голод, болезни, бегство населения". (Вл. Вольф-Вруевич "Красная газета" № 164 от 10.III.1921.)

Голод - это прежде всего социальная проблема, порождения империализмом.

Такого голода еще никогда не было в России, пережившей немало неурожайных лет.² Академик С.Г. Струмилин считает, что от голода погибло 5 миллионов человек.³ Советские и иностранные журналисты оставили немало трагических свидетельств.

"Крестьяне ежедневно умирают тысячами, - пишет корреспондент "Чикаго Трибюн", - Мне случалось видеть как они медленно угасали в своих разваливавшихся на-

оставался почти 50 лет недостижимым идеалом, то это свидетельствует не столько о достижениях царской России, сколько о бурной деятельности ее преобразователей.

²Повышенная смертность в 1892 г., вызванная холерой и другими эпидемиями, и объясняемая последствиями голода 1891 г., унесла около 300 тыс. чел. (А. Г. Рашин "Население России за 100 лет" М. 1956 с. 155-158.

³С.Г. Струмилин "Наши трудовые ресурсы и перспективы" М. 1922. Такая же цифра приводится в первом издании БСЭ, статья "Голод".

ТАБЛИЦА 1

УРОЖАЙНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР (ц. с га)

	1913 ^{**} Россия	1934 США	1938 Канада	1940 США	1945 США
Пшеница	8,2	8,7	7,1	10,3	11,4
Рожь	8,0	7,7	6,1	8,0	8,1
Ячмень	9,2	11,6	10,5	12,4	13,7
овес	8,9	9,9	9,2	12,6	13,1
Картофель	76	78	88	89	104

ТАБЛИЦА 2

ПОДЪЕМ^{***} СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ГОДЫ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

		1929	1930	1931	1932	1933
Посевн. площади млн.	га	118,0	127,2	136,3	134,3	129,7
Валовый сбор млн. ц.		717,4	835,4	694,3	698,7	898,0
Крупный рогатый скот	млн. гол.	68,1	52,5	47,9	40,7	38,6
Лошади	- " - "	34,0	30,2	26,2	19,6	16,6
Овцы и козы	- " - "	147,2	108,2	77,7	52,1	50,6
Свиньи	- " - "	20,9	13,6	14,4	11,6	12,2

ТАБЛИЦА 3

ПОГОЛОВЬЕ СКОТА В 1929 - 33 ГГ. (млн. гол.)^{****}

	1929	1930	1931	1932	1933
Крупный рогатый скот	58,2	50,6	42,5	38,3	33,5
Лошади	32,6	31,0	27,0	21,7	17,3
Овцы и козы	107,1	93,3	68,1	47,6	37,3
Свиньи	19,4	14,2	11,7	10,9	9,9

^{**}В справочнике "Социалистическое строительство СССР" М. 1935 приводятся более высокие (на 0,3 - 0,9 ц. с га) цифры. С тех пор они постепенно сокращаются, демонстрируя известный оптический эффект уменьшения с расстоянием.

^{***} - "Подъем" - это не ирония, так называется раздел отчетного доклада ЦК на XVII съезде, из которого заимствована таблица 2. И интересно сравнить эти данные с ущербом, нанесенным сельскому хозяйству гитлеровцами: 7 млн. лошадей, 17 млн. голов крупного рогатого скота, 20 млн. свиней, 27 млн. овец и коз.

^{****}В соответствии с уже отмечавшимся выше известным оптическим эффектом, цифры таблицы 2 в послевоенных справочниках (табл. 3) заметно уменьшились.

бах или падали в сожженных полях, где они искали каких-нибудь корней и зерен. По пристаням Волги я видел, как они ползли с берегов и жалостно махали проходящим пароходам, прося помощи, или же умоляли взять на борт и увезти от этих страшных песчаных берегов, покрытых свежими крестами. Мы нагоняли целые караваны, устало тянущиеся по дороге — провожаемые ворошьем, ждущим добычи."

После 1921 г. наступил НЭП. Крестьяне-единоличники без всякого руководства выращивали хлеб и кормили страну. Правда, налоги, обязательные поставки, разрыв цен на промышленные и сельскохозяйственные товары (знаменитые "ножницы") не слишком стимулировали увеличение продукции, но все же в 1925-27 гг. был восстановлен довоенный уровень сельскохозяйственного производства. Тут пришло время выполнить важную "первоочередную" задачу.

Первоочередной задачей молодой Советской власти было накормить страну. Задача эта могла быть решена только при переходе мелких крестьянских хозяйств на путь крупного общественного производства. Руководствуясь ленинским кооперативным планом, в 30-е годы в деревне была осуществлена коллективизация сельского хозяйства.

Сельское население уже давно мечтало о коллективизации.

"Что оставалось крестьянам: либо лечь помирать, либо перейти к новой форме землепользования и машинному способу обработки земли... Понятно, что крестьяне ухвались за предложение Советского правительства, стали объединять свои земельные клочки в большие поля, приняты тракторы и другие машины и вышли, таким образом, на широкую дорогу укрупненного сельского хозяйства, на новую дорогу коренного улучшения сельского хозяйства" (Из беседы И. Сталина с полковником Робинсоном.)

Под руководством партии сельское хозяйство пережило бурный подъем. (См. таблицу 2 и 3). Много доброжелателей посетили в те годы нашу страну, чтобы полюбоваться вблизи невиданным в истории человечества экспериментом. И некоторые оставили довольно интересные свидетельства.

"Как бы то ни было, но целые деревни на Кубани, так же как на Украине, угрюмо уклонялись от сева и уборки или обрабатывали лишь крошечную часть своего поля, так что к концу года у них не было семян, а часто даже и хлеба для себя. В других случаях крестьяне потихоньку потрошили созревающую пшеницу, то есть выщелачивали зерно или даже срезали колосья и откладывали в индивидуальный запас то, что было бесстыдно похищено из общественной собственности с полей. Для охраны посевов от расхитителей колхозы мо-

билизировали детей (членов пионерской организации). Кое-где для сохранения поселков пришлось построить деревянные дозорные башни и поставить часовых".

Голода в стране не было, только "социальная проблема".

"Те колхозы, которые намеренно не заселяли и не обрабатывали полей, не получали помощи, когда оказывались без хлеба, чтобы не поощрять неподчинения, а в наиболее серьезных случаях целые деревни были забраны от голода тем, что срочно увозились из родных мест где они отказывались обрабатывать землю, в другие, где приходилось работать, чтобы кормиться. Не отрицалось, что при этих насильственных отправках, как и при высылке отдельных кулаков, отказавшихся подчиниться требованиям правительства, не только мужчины, но и женщины, и дети переносили тяжелые лишения. Без этих жертв, говорят нам, быстрая перестройка сельского хозяйства, казавшаяся единственным способом разрешить проблему снабжения страны продовольствием, не могла осуществиться."²²

Голода в стране не было, только численность населения сократилась в 1933 г. на семь с лишним миллионов человек.²³ - В стране не было голодающих или "пострадавших от неурожая", как в 1891 г. Были только спасенные коллективизацией обеспеченные колхозники.

"Спасли от нищеты и разорения, спасли от кулацкой кабалы и превратили, благодаря колхозам, в обеспеченных людей". (Сталин, соч. т. 13.)

Голода в стране не было, и потому в 1933 г. мы продавали ХЛЕБ.

²²Сидней и Беатриса Вебб "Советский коммунизм новая цивилизация?" М. 1935, стр. 265. Авторы, пожилая (за 90) супружеская чета лейбористов, много ездили по СССР и буквально всем восхищались. Тем удивительней, что иногда сквозь их оптимизм вдруг проступают реальные черты той эпохи.

²³1.1.1933 г. в стране было 165,7 млн., а в конце года по данным профессора В.Ц. Урланиса 158 млн. ("Проблемы динамики населения", М. 1974.) Сталин на XVII съезде партии объявил, что численность в конце 1933 г. равнялась 168 млн. чел., что довольно близко к численности в начале 1933 г. с учетом прироста, но на десять миллионов меньше оценки современного демографа.

Оценка Урланиса хорошо согласуется с численностью населения, учтенной переписью 1937 г. - 164 млн. человек (Демографические тетради № 8, Киев, 1973.) Ежегодный прирост в 1934-36 гг. составлял приблизительно 2 млн. человек (по заявлению Сталина 3 млн.), следовательно в конце 1933 года в стране было не больше 158 миллионов жителей.

— Мы покупали и продавали зерно во все годы и считаем это вполне естественным в условиях расширяющейся международной торговли, тем более при гигантских размерах нашей территории. Мы не только не делаем секрета из наших закупок, мы даже готовы объяснить тем, кто искренне хочет разобраться в этом вопросе: для нас экономичнее ввозить хлеб на Дальний Восток из Америки, чем везти его по железной дороге через всю страну, скажем, с Украины.

Не "покупали и продавали", а именно продавали хлеб. (табл. 4).

Продавали Англии, Бельгии, Голландии и другим "нуждающимся" европейским странам.

И в 1940 г. мы опять продавали. На этот раз Германии, что бы фашисты, уже разгромившие Польшу и Францию, захватившие Норвегию и начавшие разработку новых стратегических планов, не проголодались. Продавали не только хлеб, но и нефть, для моторов самолетов, летавших бомбить Лондон.*

И хлеб и нефть не были в нашей стране лишними. Это выяснилось довольно скоро, когда с огромными людскими и материальными потерями английские и американские моряки доставляли в Архангельск продовольствие и нефтепродукты. 4,7 млн. тонн продовольствия и 2,6 млн. тонн нефтепродуктов получил Советский Союз от Англии и Америки по ленд-лизу. И как настойчиво требовало Советское правительство новых и новых поставок.

А в 1946 г. мы вновь продавали хлеб. При невиданно низком урожае: валовый сбор 39,46 млн. т., закупки — 17,5 млн. т. Из голодавшей всю войну страны была отправлена десятая часть всего товарного хлеба. (табл. 4).

В тот год вновь метались по стране голодные женщины и дети, выстраивались с протянутой рукой вдоль улиц Баку, Тбилиси и других южных городов. А в это время в Париже с широкой рекламой продавали белую муку из России. (Почти треть вывоза зерна в 1946 г. приходится на Францию).

Так французские интеллигенты узнали то, что нам давно уже известно:

На примере нашей страны, осуществлявшей на деле мечту о социальной справедливости, мы знаем, что социализм покончил с таким позорным явлением, как голод.

"Какой может быть голод? Они даже продают хлеб."

После войны в сельском хозяйстве началось новое сражение. На этот раз не за переделку человека, а во имя преобразования природы. Вам ли не помнить этого! Ведь Вы, Павел Павлович, один из активнейших участников тех событий. Как энергично бросилась в бой самая передовая в мире агробиологическая наука! Какие она затеяла лесозащитные полосы по всей стра-

*657 тыс. тонн нефтепродуктов было продано Германии в 1940 г.

ТАБЛИЦА 4
ВНЕШНЯЯ ТОРГОВЛЯ ЗЕРНОМ СССР И США (тыс. тонн)

год	СССР				США	
	зерно экспорт	импорт	пшеница сальдо	сальдо	зерно экспорт	пшеница экспорт
1913	9771	533	9238	4431	4100	
1918	0,9	0,0	0,9	0,5		
1920	3,4	0,1	3,3	0,2		
1926	2063	8	2055	914		
1930	4898	18	4880	3226		
1933	1819	7	1812	969		
1938	2289	130	2159	1616	6110	2400
1939	371	154	217	49		
1940	1264	86	1178	223		
1941-45						
1946	1766	205	1561	1182		
1947	846	585	261	140	9700	7200
1948	3248	970	2278	1588		
1949	2474	753	1721	1176		
1950	2987	761	2226	890		
1951	4174	893	3281	1508		
1952	4576	933	3643	2013		
1953	3214	802	2412	1261	10000	6400
1954	4057	924	3133	2818		
1955	3819	903	2916	2186		
1956	3290	1785	1505	435		
1957	7536	1147	6889	4961	15800	11300
1958	5294	1787	3507	3287		
1959	7193	1616	5577	5236	13500	9000
1960	6864	1106	5758	5373		
1961	7775	782	7043	5454		
1962	8086	306	7780	6080	32100	61000
1963	6613	3580	3033	1698	29400	17800
1964	3853	8629	-4776	-6121		
1965	5113	7000	-1887	-4450		19600
1966	4360	8349	-3989	-4355		
1967	6709	2794	3915	3644		
1968	6116	2129	3987	3364		
1969	8263	1239	7024	6620		
1970	6562	2781	3781	3354		
1971	9444	3111	6333	5741		21500
1972	5139	16054	-10915	-4195		21600
1973	5661	24361	-18700	-10661		21400
1974	3224	7641	583	2549		
1975	4321	16527	-12206	-6356		

По СССР в графу зерно включены также мука, крупа и бобовые, а в графу пшеница - рожь, мука, крупа и бобовые.

не, какие торфоперегнойные горшочки в каждой школе. А сменявшие друг друга системы севооборота, завершившиеся почти полным уничтожением чистых паров и посевами зерна по зерну. Пришлось немало потрудиться, чтобы даже академик, президент ВАСХНИЛ забыл, как плодороден был некогда русский чернозем. Надо признать, что Вам удалось заметно продвинуться в этом направлении.*

С 1954 г. начинается бурное изменение сельского хозяйства. Повышается оплата труда колхозников, необычайно расширяются посевные площади, внедряются посевы кукурузы. Растет валовой урожай и закупки зерна государством (табл. 5). И еще быстрее растут планы, один привлекательнее другого. Не пройдет и семи лет, как мы обгоним США по всем видам продукции сельского хозяйства; за это время урожай удвоится, если не утроится, наша страна продемонстрирует, что такое социализм, накормит весь мир. В 1957-62 гг. экспорт зерна превысил 6 млн. т. в год, в два с лишним раза больше, чем в сталинское время. (табл. 4). А то ли еще будет.

И вдруг неурожай 1963 г. заставил начать закупки зерна на внешнем рынке. За три года (1964-66) импорт пшеницы на 15 млн. тонн превысил экспорт.

С человеческой точки зрения это прекрасно. Впервые наша страна не продавала хлеб во время голода, а покупала, заботясь о собственном населении. Для советского строя это безусловно качественно новый этап. Но грандиозные проекты на этом сникли. Оказалось, что перед страной стоит не проблема расширения экспорта зерна, а вопрос, как прокормить собственное население.

Общезвестно, что СССР является одним из крупнейших производителей зерна в мире. Он не только обеспечивает себя, но и поставляет зерно во многие страны. В то же время СССР делает закупки зерна в США, Канаде и других странах.

Тем временем американские капиталисты перестроили свое прогнившее сельское хозяйство. Сократились посевы малоурожайных культур: ржи, овса, ячменя. Их место заняло урожайное сорго и содержащая полноценные белки соя. Производство товарного зерна выросло в два с лишним раза, со 108 млн. тонн в 1940 г. до 260 млн. т. в 1972 г. Посевные площади под зерновыми сократились на несколько десятков миллионов гектаров (целинные земли наоборот). (См. таблицу 6).

Затраты труда на производство одного центнера продукции достигли по пшенице 0,2 чел. часа, кукурузе 0,27, картошке 0,44, вместо 3,9 чел. часа, 5,3, 2,75 соответственно в 1910 г.

* - К счастью, переделка кинмата оказалась в те годы вне реальных возможностей советской науки, не то что плодородные чернозема.

ТАБЛИЦА 5
СБОР ЗАКУПКИ И УРОЖАЙНОСТЬ ЗЕРНА В 1946-1965 гг. (млн. т.)²²

	1913	1946-50	1951-55	1956-60	1961-65
Валовый сбор	86	64,8	88,5	121,5	130,3
Гос. закупки		27,9	34,2	47,9	51,6
Урожайность ц. с га	8,2	6,7	8,0	10,1	10,2

ТАБЛИЦА 6
УРОЖАЙНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР В США (ц. с га)

	1940	1950	1960	1972
Кукуруза зерно	18,1	23,9	34,2	59,9
Пшеница	10,3	11,1	17,6	22,0
Соя	-	14,6	16,8	18,8
Сорго	-	14,2	25,0	38,2
Ячмень	12,4	14,6	16,6	23,5
Рис	25,7	27,0	38,4	52,5
Овес	12,6	12,4	15,6	18,3
Картофель	89	170	207	262

ТАБЛИЦА 7
УРОЖАЙНОСТЬ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫХ КУЛЬТУР В СССР (ц.с га)²³

	1961-65	1966-70	1971-75	1975
Зерно	10,2	13,7	14,7	10,9
Пшеница	9,7	13,4	14,5	10,7
Рожь	9,2	11,3	13,5	11,3
Ячмень	11,0	14,9	15,3	11,0
Овес	8,3	13,7	13,2	10,3
Кукуруза	22,8	27,0	28,2	27,4
Картофель	94	115	113	112
Сбор зерна млн. т.	130,3	167,5	181,6	140,1
Гос. закупки млн. т.	51,6	66,0	67,6	50,2

²²К терминам валовый сбор и урожайность справочник ЦСУ 1965 г. "СССР в цифрах" дает следующее примечание: "В весе первоначально оприходованном хозяйствами после уборки". Это не пустая оговорка - урожайность на Западе (табл. 6) рассчитывается в весе товарного зерна.

²³Эксперты ФАО снижают в своих публикациях валовый сбор и урожайность зерновых в СССР на 20-25%, принимая в 1961-63 гг. валовый сбор 98 млн. т. вместо 126, а урожайность 8 ц с га, вместо 10. Так же точно они поступают с пшеницей, указывая валовый сбор 50 млн. т., а урожайность 7,7, ц. с га, и делают при этом следующую оговорку: "Дано в пересчете на амбарный вес; соответствующие официальные данные в бункерном весе

ТАБЛИЦА 8
БАЛАНС ЗАПАСОВ ПШЕНИЦЫ В США (млн. т.)

	1965-70 в среднем	1969-70	1970-71	1971-72
Запасы в начале года	17,1	22,3	24,1	19,9
Производство	39,1	39,7	37,5	44,3
Импорт		0,1	-	-
Внутреннее потребление	19,6	21,5	21,6	21,4
Экспорт	19,2	16,5	20,1	16,3
Остаток на конец года	17,4	24,1	19,9	26,5

ТАБЛИЦА 9
ПОТРЕБЛЕНИЕ ХЛЕБА И КАРТОФЕЛЯ В СЕМЬЯХ РАБОЧИХ
БОЛЬШИХ ГОРОДОВ И КРЕСТЬЯН ЦЕНТРАЛЬНЫХ РАЙОНОВ
(на душу населения в год, кг)

		1960	1965	1971
Хлебные продукты в пересчете на муку	рабочие крестьяне	137,2 181,4	131,5 180,3	119,6 177,7
Картофель	рабочие крестьяне	119,9 215,9	125,3 217,2	115,7 199,6

ТАБЛИЦА 10
АМБАРНЫЙ УРОЖАЙ И ЗАКУПКИ ПШЕНИЦЫ
(млн. т.)

	1950	1954-58	1959-63	1964-68	1969-75
Валовый сбор	31,1	58,3	64,1	81,1	89,2
Государственные закупки	15,1	28,9	31,1	40,9	43,2
Остаток	15,0	29,4	33,0	40,2	46,0
Закупки к остатку в процентах	100	98	94	102	94

составляют 62 320 тыс. т. и 9,6 ц. с га". Не обладая смелостью и престижем экспертов ООН, мы приводим в таблицах официальные сведения без пересчета.

(В СССР в 1971 г. цифры очень похожи на американские: 0,16 - 0,25 по зерну (в совхозах и колхозах) и 0,48 по картошке. Различаются только единицы измерения - по СССР это человеко-дни. См. таблицу 7). Урожайность зерновых выросла за 30 лет в три раза, а по отдельным культурам в 2-3 раза.

Доля сельского населения сократилась за эти годы с 23,1% (30,5 млн. чел. в 1940 г.) до 4,8% (9,7 млн. чел. в 1970 г.). В сельскохозяйственном производстве заняты 3 228 000 фермеров и членов их семей (включая фермеров, занятых на сельскохозяйственных работах больше часа в неделю) и 1 175 000 наемных рабочих.

Чистый доход фермеров составил в 1970 г. 23,6 млрд. дол. при капиталовложениях 6,7 млрд. При этом доля сельскохозяйственного производства в национальном доходе страны упала с 7,4% в 1940 г. до 3,5% в 1970 г.

Все эти годы США продолжали кормить мир.

На долю США в течение последних пяти лет приходилось 2/3 мирового экспорта пшеницы и почти 98 процентов сои.

Видимо, хотя "купля-продажа" зерна явление нормальное, для буржуазной страны с огромной территорией (всего в два с лишним раза меньше СССР) и с большими посевными площадями (только в два раза меньше наших) продажа зерна предпочтительнее.

В последнее десятилетие начался новый этап борьбы советского человека за хлеб. На этот раз в бой были брошены техника, химия и, главное, деньги. В седьмой пятилетке в сельское хозяйство направлялось по 7,5 млрд. рублей в год, в восьмой - 15, в девятой - 25, а в десятой намечено вложить 35 млрд. от всех капиталовложений страны.

Титанические усилия, казалось, привели к некоторым сдвигам в сельскохозяйственном производстве.

Не изменились, конечно, ни структура хозяйства, ни принципы управления, ни характер посевов. По-прежнему пшеница (главным образом яровая) является основной зерновой культурой и дает стране больше половины зерна. На второе место среди зерновых культур выдвинулся ячмень. Доля овса и ржи, а также кукурузы несколько сократилась. Вырос валовой сбор и, рассчитываемая по нему, урожайность. Но государственные закупки зерна поднялись всего на тридцать процентов. Этот рост едва компенсировал увеличение численности населения, а если учесть, что денежная оплата в эти годы окончательно вытеснила выдачу зерна на трудодни, рост закупок, возможно, даже отставал от увеличения числа потребителей казенного хлеба.

Повышенный спрос на зерно предъявило и растущее животноводство. И, когда безжалостный климат вновь обрушился на страну с "невиданной силой", пришлось в огромных размерах закупать зерно. Самые большие цифры импорта зерна собрались в конце таблицы 4, как бы завершая этот шестидесятилетний пе-

риод, начавшийся в 1913 г. самой большой в таблице цифрой экспорта зерна.

Не являются ли эти цифры с противоположными знаками ответом вашему назойливому корреспонденту из литгазеты:

Цуния и продажа зерна является нормальной практикой в международной торговле. Что вы можете сказать по этому вопросу?

Но, продавая в 1975 г. зерно, империалисты США обязали СССР заключить долгосрочное соглашение об обязательных закупках зерна в течение пяти лет, заставив тем самым как бы расписаться в собственной несостоятельности как производителя товарного хлеба.

Вся история развития Советского государства свидетельствует о том, что наша страна в полной мере может обеспечить себя зерном, в том числе пшеницей. Потенциальные ресурсы СССР в этой области огромны, так что рассуждения отдельных западных экономистов о том, что Советский Союз не в состоянии обеспечить себя пшеницей и рядом других продуктов по меньшей мере несостоятельны.

И все-таки непонятно, Павел Павлович, почему нам собственного зерна не хватает. Ведь даже в неурожайном 1975 г. валовой сбор составил 140 млн. т. На душу населения зерна произведено лишь чуточку меньше, чем в урожайном 1913.* Или возмем США. Они устойчиво расходуют на внутреннее потребление около 20 млн. т. в год пшеницы, остальное хранят в кубышке или продают (табл. 8).

Попробуем представить как выглядел бы такой баланс в нашей стране. Потребление хлебобулочных изделий в СССР 159 кг в пересчете на муку, в 2,1 раза больше, чем в США.

Выборочные данные (табл. 9) показывают, что душевое потребление хлебобудовых в стране меняется довольно медленно.

Из таблицы 10 видно, что ни в одно пятилетие страна не обладала сколько-нибудь существенными запасами зерна. Напротив, в 1949-63 гг. наблюдалась нехватка зерновых, усиливав-

*Специалисты ООН также в некотором недоумении: СССР потребляет 27% от мирового производства пшеницы (с учетом их поправок 22%). Больше, чем все развивающиеся страны вместе взятые. Вообразить такого обжорства они не в силах, поэтому относят треть советского потребления пшеницы в графу непродовольственное использование. Свои комбинации эксперты поясняют следующим образом: "В виду отсутствия данных об использовании имеющихся ресурсов объем общего продовольственного потребления подсчитан на базе оценок душевого потребления. Поэтому непродовольственное использование представляет собой разницу между наличными ресурсами и общим продовольственным потреблением."

шаяся продажей за рубеж. В неурожайные годы, например в 1963, недостача продуктов в стране принимала катастрофический характер, и государство вынуждено было обратиться к подушному распределению крупы и макарон.

После 1964 г. экспорт зерна сменяется преобладанием импорта, что позволяет стабилизировать положение, но неурожай 1974-75 гг. вновь нарушили хлебный баланс.

Возникает такой вопрос, Павел Павлович, почему сравнительно невелики закупки зерна? Зачем колхозам и совхозам пшеница? Хлеб они сами уже давно не пекут, откармливать пшеничным зерном скот уголовно наказуемо. Оставить им на семена, а остальное зерно из валового амбара перевезти на элеваторы. Тогда ведь и в 1975 г. хлеба бы и хватило.

Сколько нужно на семена? Пшеницы озимой 1,5/2 ц. на га, яровой немного побольше. При современных площадях 60-70 млн. га необходим семенной фонд 15-20 млн. т. Значит государство могло бы закупить не половину, а три четверти зерна.

Читая в прессе о передовиках сельского хозяйства, убеждаешься, что они сдают государству еще большую долю урожая. Вот отчитывается на пленуме ЦК директор совхоза Ф.Т.Моргун:²²

"В этом году урожай зерновых культур с площади 42 тыс. га составил 14 центнеров при плане 8,5. В элекроме Родины засыпано более 3 млрд. пудов хлеба. То есть сдано более 82% урожая. Еще лучше работают отдельные бригады. Бригада № 4 М.П. Фесенко с 6 тысяч га собрала более 18 центнеров зерна с гектара и сдала государству 720 тыс. пудов товарного хлеба."

Следовательно, бригада засыпала в элекроме Родины на 720 тонн больше, чем собрала.

А вот в целом по стране взять больше половины урожая государству никак не удается.

В урожайные годы доля закупок несколько повышается, достигая 110-120%, а в неурожайные, когда казалось бы государству желательно получать побольше, чтоб не идти за зерном на внешний рынок, доля закупок снижается до 80 и даже до 60%.²³ (См. таблицы 10 и 11).

- Что же это за зерно такое, нельзя взять, нельзя съесть. Семена, конечно, а кроме семян? Представляется, Павел Павло-

²²Ф. Т. Моргун "Хлеб и люди", М. 1973, стр. 102.

²³ - Не так уж давно было иначе. В относительно благополучные годы 1940, 1950, 1955, когда валовый урожай превышал 90 млн. т., государство закупало 36-38% этого урожая, а в 1945-1949 гг., когда сбор был 40-46%, 40-70 млн. т. А ведь в те годы не было денежной оплаты и деревня кормилась выдачей зерна на трудодни.

ТАБЛИЦА 11

ЗАКУПКИ ГОСУДАРСТВОМ ПШЕНИЦЫ В НЕУРОЖАЙНЫЕ ГОДЫ (млн. т.)

	1957	1963	1965	1969	1974	1975
Валовый сбор пшеницы	58,1	49,7	59,6	79,3	83,9	66,1
Гос. закупки пшеницы	25,6	22,7	21,8	36,1	38,3	29,6
Остаток	32,5	27,0	37,8	43,2	45,6	36,5
Отношение закупок к остатку в процентах	79	84	58	84	84	81

ТАБЛИЦА 12

НЕКОТОРЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА
СССР И США

		СССР 1971-75	США 1972
Сбор товарного зерна**	млн. т.	75,5	260
Занято в сельском хозяйстве	млн. чел.	23	4,3
Капиталовложения в сельск. хоз.	млрд. руб.	25	5
Товарный выход пшеницы	ц. с га	7,5	22
Доля сельского хозяйства в национальном доходе	%	25	3,5
Рентабельность зернового хозяйства***	%	69,97	20

**В товарное зерно включены государственные закупки и продажа на внедеревенском рынке.

***Рентабельность — это разница между продажной ценой и затратами на производство, деленная на затраты. По СССР дана рентабельность совхозов и колхозов. А. М. Емельянов "Средства и механизм реализации экономической стратегии партии в области сельского хозяйства". Вестник, МГУ № 4, 1976. Цифры показывают, что сегодня дело не в убыточности сельского хозяйства. Такая прибыль не снится капиталистам. Но в полном противоречии с марксизмом, ни сверхприбыль, ни огромные капиталовложения не могут обеспечить расширенного производства.

вич, кроме семян в валовом амбаре находится нетоварный, несъедобный, бумажный хлеб. Он пророс на нивах отчетности и плановых показателей, и его ежегодно приходится убирать наряду с обычным зерном.

И очень многим труженикам сельского хозяйства он совершенно необходим. Нужен полеводческой бригаде и ее бригадиру, вырастившим урожай, комбайнеру, его убирающему, шоферу, перевозящему зерно на заготовительный пункт, директору совхоза, секретарю райкома и выше, выше всем партийным и советским руководителям, отвечающим друг перед другом за урожай. Нужен для зарплаты, для премии, для спокойной жизни. Необходим, наконец, для престижа нашего советского государства.

Бумажный хлеб - это, конечно, не только и не столько приписки, сколько потери уборки, засоренность сорняками огромных площадей, повышенная влажность, в результате которой зерно не берут на хлебоприемные пункты и оно горит на токах, так как нет достаточного количества погрузчиков для провеивания. А сколько зерна осыпается или скошенное в валки уходит под снег! Можно было бы привести много примеров, но ограничусь цитатой из книги Вашего коллеги Моргуна Ф. Т. "Хлеб и люди".

"Осенью 1961 г. в одном из крупнейших зерновых районов Кокчетавской области Рузаевском лежало на токах 14 млн. пудов зерна; когда проверили степень его сортности, то оказалось, что годного хлеба на токах не более 9 млн. пудов. Это не было случайностью."

И далее Моргун говорит, что:

"В 1959 - 61 гг. более половины освоенных целинных земель оказались сильно поражены овсюгом. Осот высокой плотности угнетал в 1961 г. 7 млн. га или 38% посевов зерновых, в 1963 г. 8 млн. га или 49%, а в 1964 г. 11 млн. га, или 70% общей площади зерновых культур."

А сколько в этой книге выразительных примеров потерь из-за бюрократических указаний: сеять, сеять по солончакам, срочно убирать на прямую, а еще через год - косить в валки и опять не к месту.

Вся эта стихия бюрократического руководства вместе с низкой культурой производства приводит к огромным потерям, а бумага позволяет считать этот хлеб собранным урожаем, да еще добавлять в него время от времени.

Возможно, именно таким методом советуете Вы поднять продуктивность земель в два-три раза.

Продуктивность же находящихся в обработке пахотных земель уже при нынешнем уровне науки и техники может быть увеличена в 2-3 раза. В мире хлеба может быть вдоволь для всех.

Других эффективных способов советское сельское хозяйство пока не продемонстрировало. Да и на будущее намечаются не

столь грандиозные изменения. При огромных капиталовложениях 35 млрд. в год предполагается увеличить валовой сбор зерна на 30-40 млн. т., то есть на 20% за пятилетку. А может быть, говоря о "нынешнем уровне науки и техники", вы имеете в виду их буржуазную науку и капиталистическую технику? Ну тогда, конечно, другое дело. Для их сравнения достаточно взглянуть на таблицу 12.

А главное, если я Вас правильно понял, "Там" климат лучше и почвы плодороднее. И видимо это надолго.

1977 г.

К. С. ОТ РЕДАКЦИИ.

Прошло несколько лет с момента появления статьи в самиздате. Дважды в 1976 и 1978 гг. урожай в стране был невиданно большой (223 и 237 млн. т.), дважды относительно небольшой в 1977 и 1979 гг. (196 млн. т. и 200 млн. т.), но все-таки больший, чем в предшествующие пятилетки 1971-1975 и 1966-1970 гг. (см. табл. 6). Государственные закупки зерна и, в частности, пшеницы в этот период были выше, чем раньше, и достигли 51 млн. т. в год. Однако, на внешнем рынке СССР превратился в устойчивого импортера зерна (и пшеницы, в частности) сольдо по зерну - 16 млн. т. в год, по пшенице - 4 млн. т. Таким образом, огромного, еще более высокого урожая нам по-прежнему не хватает.

Академик Лобанов П. П. тем временем перестал быть президентом ВАСХНИЛ. Вышла какая-то пренеприятнейшая история с его секретаршей, получавшей зарплату старшего научного сотрудника в одном из подведомственных Лобанову институтов. Дело обычное, но бедняжка, чтобы свести концы с концами, решила продать кое-какую антикварную мебелишку из служебного кабинета своего патрона в бывшей Петровской академии. Продажа припахивала валютой, и академику стало не до пропаганды успехов советского сельского хозяйства и объяснений валютных операций государства на международном рынке.

ДИСКУССИЯ

М. ЛЕВАНТЬЕ, Ж.-П. АДНИ

"Le Point", 1980 г., март

советская торговля: барыши и недовостача

[В связи с недостатком места текст самой статьи опущен. Публикуется только редакционный комментарий.]

Примечания РЕДАКЦИИ.

Резюмируя многочисленные противоречивые свидетельства экспертов, авторы статьи приходят к глубокомысленному заключению: *"Сегодня нельзя быть уверенным, что эмбарго поставит СССР на колени"*. Более того, можно быть совершенно уверенным, что никакое эмбарго не поставит СССР на колени, как не поставило оно его в прошлом, как не могут никакие экономические меры коренным образом изменить политику авторитарного государства, особенно - государства, занимающего 13% суши и располагающего огромными сырьевыми запасами.

"Поставить на колени не может", но может нанести вполне определенный и ощутимый вред, и размеры его очевидны. Они равны объему советского импорта. Да, можно со всей определенностью утверждать, что если СССР не купит тысячу тонн масла или миллион тонн зерна, то он и будет иметь на столько же меньше. Никакими усилиями советское руководство не восполнит этого некупленного продовольствия за счет собственных резервов производства. Резервов нет. Из года в год советское сельское хозяйство работает на максимуме, и все закупленное - это абсолютная надбавка к этому максимуму. Другое дело, что авторитарный режим может не только обойтись без этой надбавки, он может резко ограничить аппетиты своего населения, стать крупным экспортером продовольствия, каким он, к примеру, и являлся в 30-х или 60-х годах. Другой вопрос: станет ли это пологородное население более послушным и производительным, а его правительство более агрессивным?

С закупками современного оборудования проблема обстоит точно так же, как и с сельскохозяйственной продукцией. Дело в том, что экономика СССР, как известно, не рыночная, Советский Союз не участвует в мировом промышленном разделении труда, он продает на Запад только сырье и покупает современную технологию. Но никогда закупки этой технологии не заставят СССР отказаться от собственного производства аналогичной продукции. Плохое, но свое. И если международные условия позво-

ляют, то и хорошее соседское тоже пригодится. Таким образом, импорт западной техники немного увеличивает и заметно более существенно осовременивает советское технологическое оборудование, но практически никогда не является единственным или даже основным источником его существования.

Так что же эмбарго? Несомненно, коллективное эмбарго снижает темпы роста советского производства отдельных видов промышленной продукции, и, естественно, на соответствующую долю экономическая мощь СССР будет меньше. Но Запад и не играет в эту "игру" максимального экономического роста во всех направлениях. Поэтому некоторое замедление роста советского экономического потенциала может доставлять лишь относительное удовлетворение: наблюдателя за бегуном, споткнувшимся на дорожке.

Но уменьшится ли советская военная угроза с увеличением трудностей в советской промышленности? Ответ на этот вопрос отнюдь не очевиден. История показывает, что агрессивность опирается в первую очередь на политические доктрины. Германия, Япония и СССР 1939 года лучшее тому подтверждение. Несомненно, последовательный и продолжительный бойкот скажется в конце концов и на советской военной промышленности, но, как известно, противостояние блоков сейчас таково, что и слабейший может почти мгновенно уничтожить все человечество.

ПИСАТЕЛЬ, ЧИТАТЕЛЬ, ЦЕНЗОР

Ниже следующие заметки о двух самых известных повестях Ю. Трифонова – "Дом на набережной" и "Старик" – не претендуют на литературоведческий анализ этих произведений. Скорее, это попытка с читательской точки зрения разобораться в том, что не литературном вопросе, который можно сформулировать так: почему повести Ю. Трифонова печатают в Советском Союзе?

Триаду "писатель-читатель-цензор" можно назвать вполне прогрессивным явлением. В конце сороковых – начале пятидесятых годов из нее выпало среднее звено – читатель. Не то чтобы никто не читал "Кавалера Золотой Звезды" (хотя сейчас трудно представить себе человека, дочитавшего этот "роман" до конца), но читатель был таков, что менее всего пытался сопоставить литературное произведение с жизнью – в большинстве случаев такая попытка была заранее обречена на неудачу. Критика тяготела к политическому доносителству, цензура пользовалась не столько пожитками, сколько ордерами на арест, а писатели... Один видный деятель искусств той поры (Чаурели) говорил своему талантливому ученику: "Ты помни, Шура, у нас только один зритель..." Так что вправду можно сказать – многое изменилось с той поры, и, безусловно, к лучшему.

Вот и повести хорошие появились, и читатель внимательный, и цензор мягок... Позвольте, но нельзя же до такой степени! И "Дом на набережной" и "Старик" – это все относится, скорее, к нелегальной литературе. Покойный Александр Бек с его запрещенным романом "Новое назначение" в гробу перевернулся от такой несправедливости – и это только первый пришедший в голову пример.

Это действительно так. В официальных издательствах выходят повести, которые составили бы честь и самиздатскому автору, не говоря о журнале.

О чем, собственно, повесть "Дом на набережной"? О торжестве приспособленчества, которому, чтобы занять лучшие места, можно обойтись даже без прямого доносителства. И это не где-нибудь, не в Америке, не в Санкт-Петербурге, а в нашей замечательной советской столице, в двух шагах от Кремля. Проследившая внимательно чуть ли не все слои городского населения – от мастеровых до партийной элиты, от выросших в красную профессиру буденовских рубак до потомственной аристократии, автор регистрирует когда признаки, когда последствия морального падения в столь житейском, обыденном, заурядном виде, что главный отрицательный персонаж, Шулепа, уменьшенное подобие Василия Сталина, рядом с самодавляющей серостью – Глебовым,

кажется чуть ли не добрым малым, Поздравым рядом с Чичиковым.

В другой повести, "Старик", автор проводит в обратной последовательности своего героя, ныне "старого большевика", от персональной пенсии через лесоповал конца тридцатых годов до поста члена Ревтрибунала и предательства того немногого, что было если не хорошего, то по крайней мере несвоекорыстного в революции, до циничных обсуждений "технических возможностей" "рассказачивания". И если страшно от описаний прошлого, то от описания современности и вовсе становится тошню. Уж подлинно, бывали хуже времена, но не было подлей. Если в 1919 году еще можно было принять ту или иную сторону в споре о расстреле заложников (например, защищать их, как Володя),²² то в наши дни - чью сторону принять в споре о кооперативной даче? Кругом дерьмо. Тут старик, случайно уцелевший при порожденном им же терроре сталкивается в затяжной меркантильной склоке со своим продолжением - хватким дельцом новейшей формации, крупным чиновником МИДа. Он-то и приходит на смену старому большевику, наедине с самим собой гордящемуся тем, что когда-то кого-то не расстрелял. Да, высказывать такое в подцензурной литературе - почти что подвиг.

Вот какие смелые повести печатают советские журналы! И если в них что и недоговорено, то ведь есть и внимательный читатель, который все поймет. Да к тому же все - не между строк, не кукиш в кармане, а черным по белому, только сдержанно. Куда цензор смотрит!? Ведь эдак и "Раковый корпус" напечатать! Там ведь одних "положительных" персонажей видимо-невидимо, а в "Доме на набережной" раз - мелькнул юноша с чистым сердцем и задатками ученого - на фронте убили, в "Старике" - два - так обоих в гражданскую войну и порешили, а кого не порешили, те служат в прокуратуре. И обчелся...

И однако ж... К тому же, как видно, этот феномен Юрия Трифонова никого особенно не удивляет. Одних этот писатель просто мало трогает (по разным причинам), другие считают, что промашка, слава Богу, вышла у цензуры, а третьи предполагают, что раз печатают, значит, так и надо. И, по-видимому, так оно и есть. Но чтобы понять причины такого либерализма, нужно несколько шире взглянуть на творчество Юрия Трифонова и на тот общественно-литературный фон, на котором оно развивалось.

ПИСАТЕЛЬ.

Юрий Трифонов - писатель, выросший из новомировской "натуральной школы", вместе с В. Шукшиным, Ф. Абрамовым, И. Грековой и др. Школы, пришедшей на смену одам Исаковского и заунывным романам Эренбурга, школы, представители которой, при всех оговорках, стремились искренне разобраться в окружающем

²²Кстати, против их захвата как таковых никто из положительных персонажей как будто не возражал.

мире, а не восхвалять его. "Обмен" Ю. Трифонова, возможно, вершина этой школы. В этой повести писатель великолепно продемонстрировал, как у простого советского человека за хлопотами и каждодневной суетой скрывается своекорыстие, не сменявшееся папаше Гранде с Гобсеком. Бытописательская манера Трифонова, внимательного к житейским мелочам, будто подглядывающего в замочную скважину, позволяет любому читателю оказаться в шкуре его героя, увидеть себя в нем.

Однако эта манера иногда приводит к неожиданным результатам. Это обнаружилось в первой повести Трифонова, посвященной более широкой социально-исторической теме - история "Народной Воли". Повесть "Нетерпение" вышла в тот момент, когда общественное мнение (о нем, в общем, можно говорить) скептически оценив и отринув деятельность "ранних" большевиков, с надеждой взглянуло на народо-вольцев. Позднее, в 70-х годах, их как предтечей Октября отвергло так называемое "славянофильское" направление общественной мысли. Этим направлением цыгановщина и нечаевщина были сочтены главным в этом движении, а убийство Александра II-го - первыми выстрелами государственного террора.

Но тогда - тогда было время "Круга первого". В сознании был скорее рассказанный Л. Солженицыным эпизод в Музее Революции, когда Сталин испугался портретов Желябова и Фигнер и велел их убрать. Чистота помыслов и самоотверженная доблесть народо-вольцев казались идеалом. Повесть Трифонова этот идеал - как бы сказать? - подмочила. Подмочила именно своей бытописательской беспристрастностью, которая привела автора в положение камердинера, для которого нет великого человека. Если в "Обмене" житейские мелочи приближают читателя к героям, то в "Нетерпении" они его отталкивают, вызывая недоверие - не к политическим концепциям, не к трезвости мысли народо-вольцев, не к их нетерпеливому стремлению к свершениям, а к ним самим, как к людям. Например, такой эпизод. У одного революционера собирается группа морских офицеров, рыцарей без страха и упрека. После затянувшихся за полночь споров о народном благе они будят прикорнувшего в прихожей на сундучке вестового матросика, и он развозит их по домам. Мелкая, ничего не значащая бытовая деталь - существование института вестовых - в глазах современного читателя ставит под сомнение искренность устремлений собравшихся. (Чтобы не развенчивать таким же способом своего кумира, советское литературоведение тщательно обходит стороной вопрос о том, секли ли мужиков в поместьях Пушкина).

Повести "Дом на набережной" и "Старик" тоже можно было бы назвать историческими - в наш стремительный век год смерти Сталина воспринимается как отдаленное прошлое - если бы события 60-30-летней давности не были включены в рамки современности. Вместе с тем для широкого круга читателей исторической новизны они не содержат. "Тихий Дон" и "Конармия" до-

статочню полно отразили кровавый и подлый хаос гражданской войны.

Появились в "Старике" почти ничего не говорящие неспециалисту имена Вацетиса (чьи интересные мемуары опубликованы недавно во 2-м номере самиздатского сборника "Память"), Сокольников (который предлагал Ленину рассказывать не расстрелами, а заключением казаков как нацию в концентрационные лагеря). Мало кто помнит сейчас, где и когда эти люди похоронены. Трифонову они понадобились для того, чтобы расширить частную историю Мигулина и Петра Евграфовича до масштабов страны, но попытка эта пропадает втуне - те, кому эти фамилии что-то говорят, сами давно сделали соответствующие выводы. Публицистика, в частности "Архипелаг ГУЛАГ", ушла далеко вперед, и приписываемое порой Трифонову открытие взаимосвязи жертв 37-го с палачами 17-го сделано не им. Но и этот, в легальной литературе достаточно важный вывод тонет в бытовых деталях, тонко отмеченных интимных переживаниях, композиционных сложностях. Так, например, фраза, формально подтверждающая предательство Петра Евграфовича в 1921 году, помещенная чуть ли не в последнюю строку повести, едва высвечивает из финального описания дождя на платформе подмосковной электрички. Вряд ли заметит её читатель, воспитанный на остросюжетных произведениях "Библиотеки приключений".

ЧИТАТЕЛЬ.

Это сказано не в упрек Трифонову. У каждого - своя манера писать. А к тому, что есть читатель и читатель. Может быть, для большинства людей чтение - не путь познания мира, не обогащающая работа, а когда приятная, когда пустая забава, легко заменяемая телевидением. Для них существуют и книжные лотереи, и обмен мукулатуры на "Виконта де Бражслонна". Эти слова - не элитарная концепция, а печальный факт, о котором известно всем, в том числе и цензорам. Этот читатель потонет в бытовых деталях повестей Трифонова, запутается в переходах из одной эпохи в другую, не в силах опереться на незнакомые ему названия и имена, не разберется в историко-политических параллелях - зевнет и отложит книгу в сторону.

А как же мир, который открывает Юрий Трифонов, мир страшного и злого прошлого и мир настоящего, в котором не остается места ни добру, ни красоте? Так и останется этот мир "вещью в себе"?

Нет, есть такой читатель, который все поймет и во всем разберется. Читатель, который выстаивает очереди в театр на Таганке и обсуждает "Зеркало" Тарковского, подписывается на "Иностранную литературу" и работает в НИИ и столичных издательствах, который гонится за № 3 "Дружбы народов". Этот читатель узреет в повестях Трифонова даже больше скрытых намеков, нежели в них содержится, и согласится: да, подлый и смрадный мир Юрия Трифонова - и наш. И окажется перед двумя возможными выводами: а) не смердеть; б) раз уж все смердит, чего

уж нам-то беспокоиться? Ведь "все дерьмо за исключением мочи".

И второй вывод оказывается предпочтительней. Главным образом по причинам, зависящим от читателя. Ведь подлость наша дана нам изначально, самой структурой нашего бытия, мы уже смердим. Так что речь идет о том, чтобы перестать смердиться, что-то предпринять, очиститься. А это хлопотно, да и неизвестно - как, да и времени нет - детей надо воспитывать, да и утомительно тянуться за недостигаемо-идеальными героями.

ЦЕНЗОР.

А как же наш третий, цензор? Что он-то думает о литературе? А он о литературе не думает. Он думает о читателе. Цензор и того, и другого читателя знает не хуже Ю. Трифонова. И знает - "пережить" тоже нельзя, начнут за самиздатом гоняться. Тут надо держать ухо востро. "Дом на набережной" был опубликован в тот момент, когда в России появились первые экземпляры "Архипелага ГУЛаг", и представлял собой вполне безопасную ему антитезу. Безопасную и с читательской ("За это не посадят") и с цензорской ("Это ему служить не помешает") точки зрения. Так называемых "матерных" слов, слов, на которые "ключут", автор употребил очень мало, разве что упомянул, что Троцкий был председателем Реввоенсовета республики (в историческом сознании советского читателя Троцкий помещается где-то между Деникиным и Махно).

Так что хвала цензору. Он и тираж "Дружбы народов" прикинул - немного, и журнал малоизвестный, и воздействие повестей оценил. Подумал цензор и о писателе. Учил его поведение - этот лишнего не говорил, и для контактов годится - в случае чего на "провокационные вопросы о правах человека" правильно ответит (что и показала его недавняя поездка в США²²), а значит, и в будущем о нем можно не беспокоиться - если его соседа по литфондовскому кооперативу арестуют, с протестами выступать и писем подписывать не станет.

Он, цензор, который в нашей стране играет не только запретительную, но даже почти созидательную роль, и усталому от поисков нравственного героя читателю, готов всегда помочь. Как известно, рупором цензора является "Литературная газета". Так вот, в статье, преследовавшей цель опорочить А. Гинзбурга, помогавшего семьям политических заключенных, было собрано множество деталей его биографии. Деталей вроде бы правдивых. Начиная чуть ли не со шпаргалки, написанной в школе, и попок в юности, и до бутылки виски, подаренной иностранным корреспондентом. Все, дознанное через наушников и стукачей, подслушиванием и доглядом, доношением и шпионством - все. Но то, за что, собственно, Гинзбурга упрятали на 8 лет

²²См. "Иностранная литература", 1978, № 6, Ю. Трифонов "Интервью о контактах".

в лагеря, откуда он вряд ли выйдет живым,²² куда-то растворилось. Грязная эта статейка была написана с твердым знанием нашего внимательного читателя и помогает ему убедиться в том, что - "вот видите, и этот не без страха и упрека, а коли так, то мы и вовсе вправе сидеть тихо". А бутылка виски - так та даже вызовет здоровую советскую зависть.

х х х

Но при чем здесь Юрий Трифонов? А при том, что его внимание к бытовым деталям, его скупулёзность не только фиксируют некоторые истины, но и смазывают их. Уж больно легко при чтении его книг перейти от мысли о безнравственности людей к мысли об отсутствии самой нравственности. А коли ее нет, подумает наш внимательный читатель, то все дозволено, за исключением того, что запрещено уголовным кодексом и цензором. Не знаю, как оценят творчество Трифонова потомки, но от этого читателя-современника ему никуда не деться.

Это совсем не значит, что литература должна быть морализующей, или вообще что-то должна. Хотелось бы, правда, видеть ее моральной. Не один Ю. Трифонов столь беспощаден к роду человеческому. В свое время Джонатан Свифт в "Путешествии Гулливера" изобразил и его, и все его установления, и поступки отдельных людей и жестче и всеобъемлющей. Но он дал нам, исху, свой саркастический смех как средство от самоуспокоения и самообольщения. Юрий же Трифонов, похоже, готов самого себя поместить в кунсткамеру своих монстров в образе писателя, разрывающегося между желанием получить путевку в Коктебель и необходимостью пойти ради этого на "смягчение" открытой им истины. Впрочем, это его право.

х х х

В своем критицизме доходя до нравственного нигилизма, Юрий Трифонов в своей творческой манере колеблется между наблюдением и соглядатайством - что и позволяет и его печатать, и ему - печататься. А коллективными усилиями упомянутой троицы два неплохих литературных произведения превратились в средство удовлетворения спроса центральной образованщины на политическую клубничку.

²²Статья написана до обмена А. Гинзбурга в апреле 1979 г.
Прим. ред.

пропал носорог

Вы слышали!? Со страниц русской зарубежной печати сбежал носорог! Целый носорог!! Не мышка-норушка, не заяц, не лисичка - носорог, шутка ли сказать!

"Рог к рогу. Ноздря к ноздре. Слюна с пелюй-веером" понесли носороги на перепуганного читателя в феврале 1979 года со страниц газеты "Русская мысль" из статьи В. Максимова "Сага о носорогах". Ох, и досталось в "Саге" благодушным западным интеллектуалам, педерастам, сознательно или фактически работающим на КГБ. Да и советским деятелям культуры: литераторам, кинорежиссерам, художникам, выпускаемым время от времени за границу для демонстрации либерализма и гуманизма нашего руководства, тоже пришлось не сладко.

Досталось и читателям, пытавшимся заступиться за тех или иных деятелей западной и советской культуры, оплевываемых Максимовым. В одном из последующих номеров той же газеты припечатал их Максимов как сотрудников КГБ или как олухов, ничего не понимающих в художественной литературе. Ведь никого он, Максимов, не оскорблял, никаких намеков не строил, а создал обобщенные глобальные портреты просоветских деятелей. Ну, а если вы, ха-ха-ха, сердитесь, себя в этих портретах узнаете, то на себя и пеняйте. (Пересказываю по памяти. Много месяцев назад мелькнули на миг эти огромные газетные вырезки и исчезли в недрах жадной до бульварных обвинений аэропортовской публики. Пойди найди их сегодня.)

И вдруг при перепечатке "Саги" в 17-м номере "Континента" - носороги все так же стена стеной ломаются, а одного обобщенного образа среди них не хватает. Не добежал. Пропал по дороге. Нет поэтессы, *"работавшей под испуганную девочку, хотя уже за сорок. Ни одного слова в простоте. Все с изжимочками, гримасками, придыханием... обпорхала добрую треть западного полушария в сопровождении семейного искусствоведа с "официальной выправкой"*. И куда же это она задевалась?! Неужели так повлияло на В. Максимова письмо, которое, говорят, написал ему Василий Аксенов, что он - Максимов - решился отказаться от одного из самых блестящих своих пассажей? Не может быть. Но факт. И факт этот наводит на довольно грустные размышления.

Оказывается, не защищен В. Максимов бесконечно толстой непробиваемой носорожьей броней. Не ответил же он Аксенову, что девочка мол никакая не Белла Ахмадулина, а обобщенный литературный портрет. Не ответил, а убрал, скромно устранил поэтического носорога. Конечно, не извинился, манерам мы, слава Богу, не обучены, но убрать-то - убрал. И если доступен

Максимов голосу рассудка, то огромная ответственность и вина ложится на окружающих его людей, особенно на тех, кого он ласково и гордо зачисляет в свои соратники: И. Бродского, В. Буковского, А. Гладилина, Н. Горбаневскую, Н. Коржавина, Э. Неизвестного, В. Некрасова. Ведь могли же и они что-нибудь Володе объяснить! Например, что неприлично рыться в грязном постельном белье, даже если оппоненты твои - общественные деятели или страшные агенты КГБ. Что голос Бёппля в защиту демократии и свободы в СССР раздавался уже тогда, когда сам Максимов переживал нелегкий путь расставания с Кочетовым. Мог бы кто-нибудь из нынешних чешских друзей Максимова напомнить ему, что в 1968 году, когда многие, очень многие литераторы предпочли отмолчаться, "мародер и агент" Евтушенко телеграфировал Советскому правительству слова, которые навсегда вошли в летопись русского общественного движения: "Танки идут по Праге! Танке идут по правде!"

Многое, очень многое следовало бы Иосифу, Володе, Толе, Наташеньке, Пауму, Эрику и Вите напомнить своему разбушевавшемуся приятелю. Не сделав этого, они позволили Максиму оплевать и унижить не только себя, но и отчасти их, окружающих его людей - гордость и надежду современной русской эмиграции.

Р. S. РЕДАКЦИИ.

Все мы в детстве повторяли известную считалку:

12 негрятят пошли купаться в море,

12 негрятят резвились на просторе.

Одни из них утон, ему купили гроб,

И вот вам результат - 11 негрятят.

11 негрятят пошли... и так далее...

Может быть, и В. Максимов будет время от времени перепечатывать "Сагу", поубавив гнев и изымая по одной пасквильные карикатуры.

П О Э З И Я

Ю. ОСИПОВ

душные закаты

[печатается с сокращениями]

× × ×

Все рвется ввысь. И башенные краны,
И гордых сосен бешенные кроны,
Рога коров. Правителей короны.
Глаза детей, открытые, как раны.

О эти рты, ловящие поток
Бог весть откуда брызнувшего света!
А что потом? Еще один потоп?
Лукавы книги Ветхого Завета.

× × ×

Боюсь тебя, минутное молчанье,
Когда планета в сон погружена,
И время спит, и черными очами
Одна в ночи сверкает тишина.

Люблю тебя, минутное забвенье,
Когда вещей утрачен вид и вес.
Когда могу услышать на мгновенье
Я звон звезды, сорвавшейся с небес.

× × ×

Прости, и забудь, что где-то
О тебе я молчу в тиши,
Никогда молчание это
Не прольется криком души.

Ни с того, ни с этого света
О себе не подам я весть.
Прости, и забудь, что где-то
Еще я случайно есть.

× × ×

Не жду ни клятв, ни слез, ни слов,
Ни бурных встреч и расставаний,
Все море жизни унесло
Волной годов и расстояний.

И с каждым годом все быстрее
Моей души мелеет устье.
И сердце ищет не страстей,
А тихой нежности и грусти.

× × ×

Налог на ложь, на пошлость – пошлину
Забыли люди наложить.
И вот душа моя опошлена:
Наложница на ложе лжи.

Кому не лень – хватает, лапает
И лижет лживым языком...
А что у сердца рвутся клапаны,
Так это, говорят, закон.

× × ×

Пусть я как раковина пуст.
Пусть морем выброшен на сушу.
Об этом всласть судачат пусть
Умы и языки досушие.

Когда-то здесь гудел прибой,
И соль кипела в створках суженных,
И бился пламень голубой,
И пела пленная жемчужина.

× × ×

Так много камней брошено в меня...

Л. Ахматова

Так много камней брошено в меня,
Что тверже камня стало это тело,
И падают, беспомощно звеня,
О грудь мою обломанные стрелы

На мне теперь не кожа, а броня,
Не тратьте сил, грехи мои браня,
Я не боюсь уколов вашей брани

И взоров, полных гневного огня...
Меня любовь - и та не в силах ранить
Так много камней брошено в меня...

ОСЕНЬ

И вновь безумный звездопад,
И запах зрелого муската,
Слова и жесты не попад,
И сердца душные закаты.

БАХ. ТОККАТА РЕ МИНОР

Томится кровь. Гремит токката.
Страстей бушует ураган.
Такая пенится тоска там,
Что задыхается орган.

Кто знает - духа дар иль плоти
Дал Баху Бог, а Богу - Бах.
Не верь порывам крайней плоти
И вкусу крови на губах.

Под плети плоть! Хрипеть в петле ей!
Но нет, бессилен и аркан.
Бунтуют ноты. Пальцы тлеют.
Пылает вспыхнувший орган.

× × ×

У меня за душой не гроша.
У меня за душой - лишь душа.
Что ж, душа, говорят, хороша,
Да не стоит она ни гроша.

× × ×

Я говорю: не надо ехать
Туда, где вас никто не ждет.
Я говорю: не надо смеха,
Который вас не обожжет.

Я говорю: и оставаться
Не стоит там, где и без вас...

Я говорю вам: братцы, братцы!
Уже не открывая глаз.

х х х

Была ли молодость – не знаю,
И было ль счастье – не скажу...
Кому досталась жизнь иная,
А я и этой дорожу.

Быть может жизнь, промчавшись мимо,
Мне губ и глаз не обожгла,
И все ж была неповторима
Она такой, какой была.

И пусть вдохнуть открытой грудью
Мне жизни дым не довелось,
Я помню с нежностью и грустью
О том, что так и не сбылось.

ЭЛЕГИЯ

Когда я превращусь в траву,
Косарь скосит меня на сено.
Корова, чавкая надменно,
Со мной расправится в хлеву.

И после, теплым молоком
Стекая по сосцам коровьим,
Уже не вспомню ни о ком я,
С кем был знаком и не знаком.

х х х

Я родину не славлю: тяжкий труд.
Святое имя не грешно ль мусолить?
Нескромные эпитеты патрут
На языке и на сердце мозоли.

Что слава ей? Слова, слова, слова...
Хвалить без меры подобает мертвых.
А родина моя – она жива.
Ее ль – живую – в прах сравнений стертых!

Она жива – а с ней и я живу:
Без словословья и без суесловья.
Я перед смертью только назову
Свою любовь к отечеству – любовью.

× × ×

Христос - он где-то среди нас:
Живет, не подавая знака...
Я этой ночью много плакал
За прошлое - и прозапас.

И кто-то - кто же, как не Он? -
Губами пил их, слезы эти;
И кто-то, пахнувший, как дети,
Со мною плакал в унисон.

"Поведай мне печаль свою", -
Он говорил, - "Как я когда-то
Воззвал в канун той страшной даты
К Отцу, дремавшему в раю".

Я вспомнил Гефсиманский сад,
И как бессильны даже боги...
И тень моей ночной тревоги
Скользнула тихо в листопад.

Проснулся я. Была чиста
Страница утреннего неба,
Дышало солнце свежим хлебом
И детским запахом Христа.

× × ×

Кому повем печаль свою,
Когда я замертво стою
На перекрестке двух тревог?..
У губ - немотствующий рог.

Печаль мою повем - кому?
Ракитам? Космосу? Камю?
Иль изолью ее, как Вертер,
Слезю, брошенной на ветер?

Кому повем мою печаль?
Доверю ль пожницам Далилы?
Мне б, а не Каину, печать,
Чтобы отмщенье отдалила.

Печаль мою - кому повем?
На ухо телефонной трубке?
Как одноглазый Полефем
Второе око прячу в кубке.

Я этот кубок разобью
О первый камень на распутье,
Раскинувшись как распятое...
Кому повею печаль мою?

× × ×

Слепой от ужаса и гнева
Я все же вижу: несть числа
Идущим с топором на древо
Познания добра и зла.

Ну что ж, потешимся порубкой...
Растопчем горькие плоды
Той мудрости, до боли хрупкой,
Что нас спасала от беды.

ПАРОДИИ

N.N.

из старой шкатулки

МИНИАТЮРЫ

(Отрывок)

*Валентину Пискулю, скромному и неутомимому
труженику, сделавшему все, чтобы воссла-
вить героическое прошлое нашей замеча-
тельной Родины.*

генерал мудищев был!

О политике писать трудно. Потому что раньше в политике все было так просто, что порой диву даешься - чегой-то они себе головы ломали? Недавно я наконец обнаружил в архивах Спасо-напивковской церкви такую запись: "...1847 года венчался генерал-ан-шеф граф Лев Мудищев". Над Ленинским проспектом вставало солнце. Жениху было 97 лет - вельми ветх годами. Мимо разваливающейся церкви проносится совсемная жизнь. И мало кто догадывается, что здесь сочетался браком один из наших замечательных предков.

Левка - так звали его в русской армии!

В 1762 году Левка был в заговоре в пользу Екатерины. 28 июня он вышел от молодой императрицы и спокойно, будто выходил не из царской опочивальни, сказал:

- Делу - время, час - потехе.

После того, как граф Орлов заколол Петра III вилкой, Левка ударил царя кулаком с кованым перстнем в висок. Русский кулак с изделием тульских мастеров на безымянном пальце легко раздробил голштинский череп.

Мудищев все мог - все ему нипочем!

И вдруг - уехал. Россия выходила к своим историческим рубежам на Одере, и польские крестьяне просили императрицу прислать им опытного военного руководителя. Европа злорадно потешалась над русскими и лично над Мудищевым. Она не понимала того, что было понятно тогда любому русскому пехотинцу: куда все прибалтийские страны не будут управляться из России, Петербург будет в опасности! Европа недолго смелась - тут запылала Варшава!

В покоренных городах Левка проходил мимо красных фонарей, украшенных лозунгами:

ВИВАТ, КОНТЕСС МУДИ!

Ему снилась Родина...

В Петербурге Левку ждала императрица и чин генерал-аншефа. А через Литву, Латвию и Эстляндию - под охраной - катился возок с отловленными Мудищевым почтовыми голубями.

Фельдмаршал Миних вручил ему генеральский жезл и сообщил об отставке по-французски, с отвратительным акцентом, в котором слышались пригороды Гомеля: "Императрица нездорова".

- Не тебе меня, православного, учить, - ответил Мудищев, отстраняя тщедушную фигуру Миниха и проходя в императрицыны покои. - Мой прадед еще при Иване Васильевиче службу нес, и исправно!

.....
Жизнь в столице Левка переносил с трудом. Но могучей крепостью тела он привлекал любовь народную. Замечательный русский поэт писал о нем:

Спокойно жил Мудищев Лев,
Красавец, генерал-аншеф.

А на чердаках его дома разводились голуби. Тогда это было не пустою забавою - России с ее огромными расстояниями требовался способ надежной доставки почты. Знаменитые мудищевские сизари доставляли срочные донесения во время итальянского похода Суворова.

Образ жизни Левка вел на русский народный лад: любил разгул, пьянство, цыганок, всегда предпочитая их заезжим немкам и француженкам. Благодарные обитательницы разных заведений добились от скуповатого Александра I разрешения на собственный счет заказать Левке штаны с надписью:

"Non transit gloria Mudi!"

Простим скромным служительницам русской Венеры плохое знание латинской грамматики!

× × ×

Когда Левка отправился в Африку помогать эфиопам в их справедливой борьбе, придворные вельможи из немцев объявили его умершим. Гершензон даже написал, что он - всего лишь литературный персонаж. Когда недавно наши корреспонденты посетили небольшую авиационную базу вблизи границы с Сомали, носящую милое название Мудищево, им показали ветхую старушку-эфиопку, часто повторявшую: "О, русски...карашо!"

Венчаться Мудищев приехал в Москву!

[СОДЕРЖАНИЕ московского издания второго номера журнала
"ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ".]

РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПОРОГЕ КОММУНИЗМА

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Выступление Л. С. Понтрягина на сессии Академии Наук в
марте 1980 г.

Почем нынче 30 серебряников?

Политика в спорте или расовая дискриминация?

Возвратить в общий фонд.

ПУБЛИЦИСТИКА

Г. Померанц. Из книги "Сны земли". Иосиф в Египте. За-
претная аналогия.

ЭКОНОМИКА

Н.Н. Хлеб, погода и академик ВАСХНИЛ.

ДИСКУССИЯ

М. Левантёе, Ж. П. Адин. Советская торговля. Барыши и не-
достаха.

П. Ростин. Писатель, читатель. цензор.

Н.Н. Пропал носорог.

ПОЭЗИЯ

Ю. Осипов. Душные закаты.

ПАРОДИИ

Н.Н. Генерал Мудищев

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВА "ПОИСКИ"

Стр.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКЦИИ К ПАРИЖСКОМУ ИЗДАНИЮ

ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ № 1 (IX) АПРЕЛЬ 1980 Г.

От редакции	3
Новая ступень	6

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

ПУБЛИЦИСТИКА

МАКСУДОВ. "Мы все "ЗА"	9
МАРК НОВИКОВ. Что запрятано в новом законе о гражданстве в СССР.	13

ДИСКУССИЯ

В.Я. ЛАКШИН. В редакцию "Вестника РХД"	18
И.САЦ. О статье Ф.Светова "Разделение..."	23
Замечания редакции о статьях В.Лакшина и И.Саца	28

ЛИСТАЯ РАЗНЫЕ СТРАНИЦЫ

По страницам газет будущего	31
-----------------------------------	----

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ, ДНЕВНИКИ

Неизданные письма Б.Л.Пастернака	33
--	----

СОДЕРЖАНИЕ московского издания первого номера журнала "ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ"	48
---	----

П Р И Л О Ж Е Н И Е О самиздатском журнале "ПОЕДИНОК"

ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ № 2 (X) МАЙ 1980 Г.

Размышления на пороге коммунизма	54
--	----

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

Выступление Л.С.Понтягина на сессии Академии Наук в марте 1980 г.	57
---	----

Почем нынче 30 серебряников?	58
Политика в спорте или расовая дискриминация?.....	59
Возвратить в общий фонд.../... а...книжка .../.....	60

ПУБЛИЦИСТИКА

N.N. Запретная аналогия.....	61
------------------------------	----

ЭКОНОМИКА

МАКСУДОВ. Хлеб, погода и академик ВАСХНИЛ.....	65
--	----

ДИСКУССИЯ

Примечания редакции к статье М. Левантье и Ж-П Адина	
"Советская торговля: барыши и недовостача".....	82
П. РОСТИН. Писатель, читатель, цензор. /... Ю. Трифонов .../	84
N.N. Пропал носорог. /... Максимов - Аксенов .../	90
	Ахмадулина

ПОЭЗИЯ

Ю. ОСИПОВ. Душные закаты: ,	92
Осень.....	94
Бах, токката ре минор.....	94
Элегия.....	95

ПАРОДИИ

N. N. Генерал Мудицев был!	98
----------------------------------	----

СОДЕРЖАНИЕ московского издания второго номера журнала	
"ПОИСКИ И РАЗМЫШЛЕНИЯ".....	100

